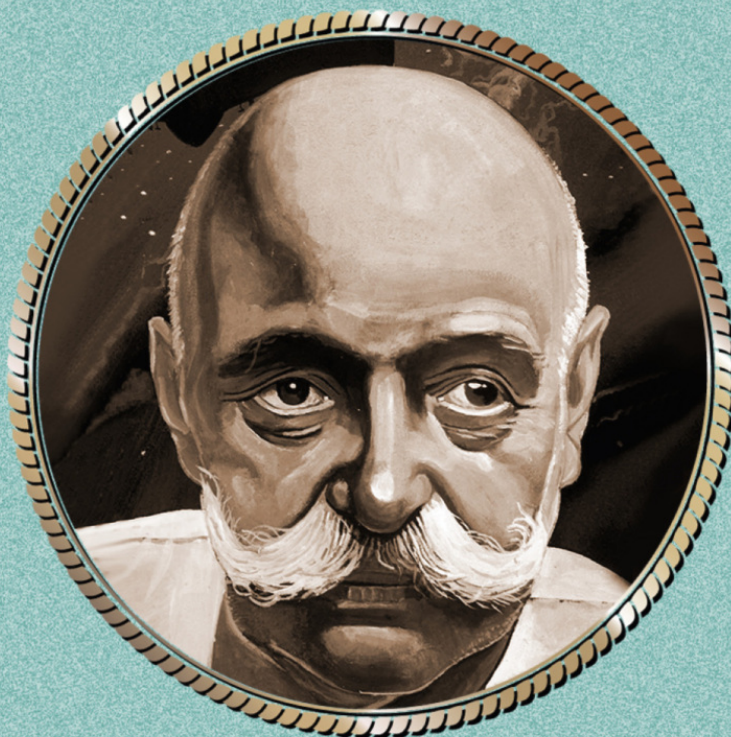

ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ

Критика жизни человека

*Рассказы Вельзевула
своему внуку*

Классика мысли

Георгий Гурджиев

**Критика жизни человека.
Рассказы Вельзевула своему внуку**

«Издательство АСТ»

1950

УДК 14
ББК 86.4

Гурджиев Г. И.

Критика жизни человека. Рассказы Вельзевула своему внуку /
Г. И. Гурджиев — «Издательство АСТ», 1950 — (Классика
мысли)

ISBN 978-5-17-150237-9

Наследие Георгия Ивановича Гурджиева легендарно, как и сама личность этого выдающегося и загадочного писателя XX века. Он известен как философ-мистик, композитор, путешественник, духовный учитель и, безусловно, как основатель Института гармонического развития человека и создатель эзотерического учения Четвертого пути, оказавшего колоссальное влияние на многие духовные школы по всему миру. Наиболее важной частью всей жизни Георгия Ивановича Гурджиева является монументальный труд – сборник произведений «Всё и Вся», в который и входит книга «Рассказы Вельзевула своему внуку». Повествование в этой рукописи, как удивительное, фантастическое странствие, открывающее новые горизонты сознания. Сначала так безжалостно и, казалось бы, легко автор разрушает веру и мировоззрение людей, а затем выстраивает истинное восприятие окружающей действительности для достижения гармонии и просветления сознания. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 14
ББК 86.4

ISBN 978-5-17-150237-9

© Гурджиев Г. И., 1950

© Издательство АСТ, 1950

Содержание

Доброжелательный совет автора читателю	7
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	42
Глава 6	44
Глава 7	46
Глава 8	48
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	55
Глава 12	57
Глава 13	60
Глава 14	62
Глава 15	64
Глава 16	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Георгий Гурджиев
Критика жизни человека.
Рассказы Вельзевула своему внуку

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Доброжелательный совет автора читателю

Согласно множеству выводов и заключений сделанных мною при экспериментальных выяснениях продуктивности восприятия современными людьми новых впечатлений, от услышанного и прочитанного, а также согласно смыслу одного только что мне припомнившегося, дошедшего до наших дней с очень древних времен, изречения народной мудрости, гласящего:

Всякая молитва может быть Высшими Силами услышана

И за нее получится соответствующее воздаяние только тогда,

Если эта молитва будет произнесена трижды:

В первый раз – во здравие или во упокой своих родителей,

Во второй раз – во здравие ближнего своего,

И только в третий раз – для своего личного блага.

Нахожу нужным, на первом листе этой первой вполне законченной для обнародования книги, преподать следующий совет:

Всякое мое письменное изложение – читайте трижды:

В первый раз – хотя бы так, как вы уже намеханизировались читать всякие современные книги и журналы.

Во второй раз – как бы для постороннего слушателя.

И только в третий раз – попытайтесь вникнуть в суть мною написанного.

Только после этого вы можете рассчитывать приобрести свое собственное беспристрастное, одному вам свойственное суждение о моих писаниях. Вот только тогда осуществится моя надежда, что вы сообразно вашему пониманию получите для себя мною предполагаемую и всем моим существом желаемую определенную пользу.

Глава 1

Бужение мысли

В числе образовавшихся в моем общем наличии за период моей уже ответственной, своеобразно сложившейся жизни убеждений, имеется и такое несомненное убеждение, что всегда и всюду на Земле у людей всяких степеней развития сообразительности и со всякой формой проявляемое образовавшихся в их индивидуальности факторов для всевозможных идеалов, приобреталось обыкновение при начале всякого нового дела обязательно произносить вслух или по крайней мере подумать про себя то определенное, понятное всякому, даже совсем неученому человеку, возгласение, которое в разные эпохи формулировалось словами различно, а в наше время – следующими словами: «Во имя Отца, Его Сына и во имя Святого Духа, Аминь».

Вот и я тоже, приступая сейчас к этому для меня совершенно новому делу, то есть – к писательству, начинаю с произношения этого же возгласения и произношу его не только вслух, но даже очень и очень внятно и с полной «всецело-проявляемой-интонацией», как это определяли древние тулузиты, конечно с такой полнотой, какая только могла возникнуть в моем общем наличии от результатов уже сложившихся и глубоко внедрившихся в нем данных для такого проявления, именно данных, которые образуются вообще в натуре человека за период подготовительного возраста и потом за время его ответственной жизни порождают в нем для проявления природу и животворность таковой интонации.

Начав так, я должен, значит, теперь быть совершенно спокойным и даже, согласно имеющимся у людей понятиям религиозной морали, быть без всякого сомнения уверенным в том, что все дальнейшее в этом для меня новом деле, как говорится, «пойдет-как-по-маслу».

Во всяком случае, я начал именно так, а как дальше пойдет – можно пока выразиться, как сказал слепой – «посмотрим».

Прежде всего я положу мою собственную руку, причем правую, которая, хотя в данный момент и является немного поврежденной из-за происшедшего со мной несчастья, зато действительно моя собственная и за всю мою жизнь мне ни разу не изменявшая, на мое сердце, конечно, тоже собственное; что же касается того, изменяла ли или не изменяла мне эта часть всего моего целого, я не нахожу нужным здесь распространяться, и откровенно признаюсь в том, что лично мне писать совершенно не хочется, но к этому меня вынуждают совершенно от меня независимые, создавшиеся окружающие обстоятельства, – обстоятельства, случайно ли возникшие или намеренно созданные какими-либо посторонними силами, этого я сам пока еще не знаю, а знаю только, что эти обстоятельства повелевают мне писать не что-либо «так-себе», как, например, что-либо для чтения «на-сон-грядущий», а капитальные, толстые книги.

Как бы там ни было, я приступаю.

С чего же начать?..

О, дьявол! Неужели повторится то же самое, очень и очень неприятное и в высшей степени странное ощущение, которое мне пришлось испытать, когда я около трех недель тому назад в мыслях своих составлял схему и последовательность идей, предрешенных мною к обнародованию, и не знал тоже, с чего начинать.

Это тогдашнее (тягостное) ощущение я теперь мог бы формулировать словами только так: «боязнь-погибнуть-от-наводнения-собственных-мыслей».

Тогда я еще мог, чтобы прекратить в себе это нежелательное ощущение, прибегнуть к помощи имеющегося и во мне, как в современном человеке, того злостного свойства, которое сделалось присущностью всех нас и способствует без испытывания какого бы то ни было угрызения совести откладывать все что угодно «на послезавтра».

Это я мог сделать тогда очень легко, потому что до начала самого акта писания предвиделось много времени, но теперь этого сделать уже никак нельзя, а надо непременно, как говорится, «хоть-тресни-а-начинай».

На самом деле, с чего же начинать?

Ура! Эврика!

Почти все книги, которые мне приходилось в жизни читать, всегда начинались с предисловия.

Значит и мне надо начать с чего-либо вроде этого.

«Вроде этого» – сказал я, потому что вообще всегда в процессе моей жизни, почти уже с тех пор как я начал отличать мальчика от девочки, я стал делать все, решительно все, не так, как делают другие окружающие подобные мне, тоже двуногие истребители добра природы. Поэтому теперь я и в писательстве должен и даже, пожалуй, уже принципиально обязан поступить не так, как это сделал бы всякий другой писатель.

Во всяком случае, вместо общепринятого предисловия, я просто-напросто начну с предупреждения.

Начать с предупреждения будет, по-моему, самым правильным, хотя бы только потому, что это не будет противоречить никаким моим ни органическим, ни психическим, ни даже «самодурным» наклонностям и принципам, а в то же время будет совершенно честно, конечно в объективном смысле, потому что как мною лично, так и всеми другими, уже близко знающими меня, ожидается с несомненной уверенностью, что из-за моих писаний у большинства читателей сразу, а не постепенно, как это рано или поздно должно от времени случиться вообще у всех людей, совершенно исчезнут все имеющиеся в них, как по наследству к ним перешедшие, так и собственным опытом приобретенные «богатства» в виде успокаивающих, вызывающих только наивные мечтания, понятий и прекраснейших представлений как о настоящей своей жизни, так и об ожидаемых перспективах в будущем.

Подобные вступления профессиональные писатели обыкновенно начинают с обращения к читателям всевозможными высокопарно-возвеличивающими, так сказать, «усласщенно-пуфукающими» титулованиями.

Вот, пожалуй, единственно в этом я и возьму с них пример и тоже начну с такого обращения, но только постараюсь не с очень «притворного», как это у них обыкновенно получается, и каковая их манера особенно тербит нервы более или менее нормального читателя.

Итак...

Милостивые, многочтимые и многоволевые, также конечно и многотерпеливые Государи мои и многоуважаемые, восхитительные и беспристрастные Государыни мои! Виноват, самое главное я упустил – и совсем ничуть не истеричные Государыни мои!

Имею честь уведомить вас, что, хотя в силу возникших на одном из последних этапов процесса моей жизни причин, я и приступаю к писанию книг, но что я в жизни моей еще никогда не писал не только книг или разных так называемых «поучительных-статей», но даже и такого письма, в котором непременно надо было бы соблюдать так называемую «грамматичность» и вследствие всего этого я, теперь хотя и становлюсь писателем, но, не имея решительно никакого навыка, как в установившихся всяческих писательских профессиональных правилах и приемах, так и в так называемом «бонтонно-литературном-языке», принужден буду писать совсем не так, как пишут обыкновенные «патентованные» писатели, к форме писания которых вы, по всей вероятности, уже давно привыкли, как к своему собственному запаху.

От всего этого в вас, по-моему, непременно возникнет досада, главным образом, от того, что ведь в вас еще с детства внедрен и до идеала хорошо сгармонизирован с вашей общей психикой для восприятия всяких новых впечатлений прекрасно действующий автоматизм, благодаря каковой «благодати» теперь вам во время вашей ответственной жизни ни в чем уже нет никакой надобности делать какое бы то ни было индивидуальное усилие.

Откровенно говоря, лично я центр тяжести в таком моем признании придаю не отсутствию у меня навыка для всяких писательских приемов и правил, а тому, что я не владею сказанным «бонтонно-литературным-языком», неизбежно требующимся в современной жизни не только от писателя, но и от всякого обыкновенного смертного.

Относительно первого, то есть моего незнания разных писательских приемов и правил, я почти не беспокоюсь.

Не беспокоюсь же на этот счет я потому, что такое «профанство» теперь в жизни людей уже сделалось тоже как бы в порядке вещей. Такая благодать возникла и в настоящее время всюду на Земле существует «припеваючи» благодаря той экстраординарной новой болезни, которой вот уже двадцать – тридцать лет заболевают почему-то те из числа всех трех полов наших людей, которые, во-первых, спят с полукрытыми глазами, и во-вторых – лица которых представляют из себя во всех отношениях плодородную почву для произрастания всевозможного рода прыщей.

Эта странная болезнь выражается главным образом тем, что заболевший ею, если он – она или оно – немного грамотен и у него оплачена за три месяца вперед квартира, непременно начинает писать какую-нибудь «поучительную-статью» или целую книгу.

Хорошо зная про эту новую человеческую болезнь и ее эпидемическую распространенность на Земле, я, как должно быть вам понятно, вправе предположить, что и в вас приобретен в отношении ее, как бы сказали ученые медики, «иммунитет» и потому вы не будете так ощутительно возмущаться моим незнанием этих писательских правил и приемов.

Вот такое мое соображение и делает то, что я центр тяжести в моем предупреждении усматриваю в своем незнании литературного разговорного языка.

В целях самооправдания, а также, может быть, для уменьшения степени порицания меня вашим бодрственным сознанием, за незнание такого необходимого в современной жизни разговорного языка, считаю необходимым сказать, причем со смирением в сердце и с зардевшимися от стыда щеками, и о том, что, хотя меня в детстве и учили такому языку, и даже некоторые подготовлявшие меня к ответственной жизни старшие, «не-экономя» всяких устрашающих средств, постоянно заставляли меня «зазубривать» множество разных «штрихов», составляющих в своей совокупности эту современную «прелесть», но к несчастью, конечно, вашему, из всего мною тогда вызубренного ничего во мне не усвоилось и для нужд этой моей деятельности, то есть писательской, – решительно ничего не уцелело.

А не усвоилось, как выяснилось про это совсем недавно, отнюдь не по моей вине и не по вине моих бывших почтенных и непочтенных учителей, а такой людской труд потратился все из-за одного невероятного, совершенно исключительного события, произошедшего в момент моего появления на свет Божий, заключавшегося в том, как это во всех деталях объяснила мне, после очень кропотливого, так называемого «психо-физико-астрологического» обследования, одна в Европе очень известная оккультистка, что в это время, через пробитую нашей шальной хромой козой в стекле окна дыру, врывались вибрации звуков, возникавших в доме соседа от фонографа Эдисона, а принимавшая меня повивальная бабка имела во рту лепешку, пропитанную кокаином германского производства, причем не эрзацного, и под аккомпанемент этих звуков она сосала ее без должного наслаждения.

Кроме такого редкого в житейской повседневности людей события, такой казус в моем теперешнем положении получился еще и потому, что в дальнейшей моей подготовительной и совершеннолетней жизни, о чем, признаться, я сам догадался после долгих размышлений по методу немецкого профессора Герр Штумпфзеншмаузен, я всегда избегал, как инстинктивно, так и автоматически, иногда даже сознательно, то есть принципиально, применять для взаимного сношения с другими такой разговорный язык. И в таком пустяке, а может быть и не пустяке, проявлялся я так опять-таки благодаря тем трем слагавшимся в моем общем нали-

чии в период моего подготовительного роста данным, о которых я собираюсь осведомить вас немного позже в этой же первой главе моих писаний.

Как бы там ни было, но реальный, со всех сторон, как американская реклама, освещенный и не могущий теперь уже никакими силами быть измененным даже познаниями «обезьяньих-дел-мастеров» факт заключается в том, что я, считавшийся за последние годы очень многими людьми недурным учителем храмовых танцев, хотя и становлюсь с сегодняшнего дня профессиональным писателем и писать буду, конечно, много, как это еще с малолетства мне стало свойственно, чтобы все «если-делать-так-делать-много», но не имея, как вы видите, требующегося для этого автоматически приобретающегося и автоматически проявляемого навыка, принужден писать все мною задуманное простым, жизнью установленным, обыкновенным обывательским языком, без всякой писательской манипуляции и без всякой «грамматической-мудрежки».

Вот тебе и фунт с недовеском!.. самого главного ведь мною еще не решено – на каком же разговорном языке я буду писать?

Хотя я и начал писать на русском языке, но с этим разговорным языком, как бы сказал мудрейший из мудрых, Молла Наср-Эддин – «далеко-не-уедешь».

(«Молла Наср-Эддин» или, как его еще называют, «Наср-Эддин Ходжа», в Европе и в Америке, кажется, мало знают, но его очень хорошо знают во всех странах материка Азии. Это легендарная личность, вроде русского «Козьмы-Пруtkова», американского «Дяди-Сэма» или английского «Джон-Буля». Этому Наср-Эддину приписывали и теперь продолжают приписывать многочисленные популярные в Азии рассказы в виде изречений житейской мудрости, как издавна существовавшие, так и вновь возникающие.)

Русский разговорный язык, слов нет, очень хорош; я даже люблю его, но... только тогда, когда его употребляют для рассказывания анекдотов и для величания при упоминании чьей-либо родословной.

Русский разговорный язык вроде английского, который тоже очень хорош для того, чтобы в «смокинг-руме», сидя самому на одном мягком диване, а ноги протянув на другой, говорить об «Австралийском-замороженном-мясе», а иногда и об «Афганском-вопросе».

Оба эти разговорных языка подобны блюду, которое в Москве называют «солянка», а в эту «московскую-солянку» входит, кроме меня и вас, все что угодно и даже «послеобеденная чешмя» (Чешмя – вуаль) Шехеразады.

Надо сказать и то, что, благодаря всяким случайно, а может быть и не случайно сложившимся условиям моей юношеской жизни, мне хотя и пришлось научиться, причем очень серьезно и всегда конечно с самопринуждением, говорить и быть грамотным на многих разговорных языках и владеть ими в такой степени познаваемости, что, если в выполнении и такой экспромтом навязанной мне судьбой профессии, я решусь не воспользоваться «автоматизмом», который приобретается от практики, то мог бы, пожалуй, писать на любом из них.

А если поступить благоразумно и использовать такой, обычно приобретающийся от долгой практики всеоблегчающий, автоматизм, то мне следует писать или на русском разговорном языке или на армянском, потому что обстоятельства моей жизни за последние два – три десятилетия складывались так, что мне приходилось для взаимоотношений с другими применять только эти два разговорных языка, следовательно иметь большую практику и приобрести в отношении к ним автоматизм.

Фу ты, рогатый!..

Даже для такого случая проявление одного из аспектов моей своеобразной психики, необычного для нормального человека, уже теперь начало всего меня издегивать.

Основная причина и для такого моего «несчастья» теперь в моем почти уже перзрелом возрасте получилась от того, что с малолетства в моей своеобразной психике внедрена вместе со множеством другого, тоже ненужного для современной жизни хлама, и такая еще присущ-

ность, которая всегда и во всем автоматически повелевает всему мне поступать только согласно народной мудрости.

В данном случае, как и всегда в подобных, еще неопределившихся житейских положениях, в моем, для меня самого до издевательства неудачно сконструированном, мозгу сразу вспомнилось и теперь в нем, как говорится, «копошится» то, существовавшее в жизни людей еще очень древних времен и дошедшее до наших дней, изречение народной мудрости, которое сформулировано следующими словами: «всякая-палка-о-двух-концах».

Если попробовать раньше понять скрытый в такой странной словесной формулировке основной смысл и действительное значение этого изречения, то в сознании всякого более или менее здравомыслящего человека должно прежде всего возникнуть предположение о том, что в основе совокупности идей, на которых базируется и из которых должен вытекать подразумеваемый смысл этого изречения, лежит, очевидно, та, веками осознанная людьми истина, которая говорит, что всякое явление, имеющее место в жизни людей, получается как целое от двух совершенно противоположного характера причин и, в свою очередь, создает два следствия тоже совершенно противоположных и вызывающих новые причины новых явлений, конечно, новых только по внешности; например, если уже получившееся от двух разных причин «нечто» порождает «свет», то оно неизбежно должно также породить явление, противоположное этому, то есть «тьму», или фактор, порождающий в организме какого-либо дышащего импульс ощутительного удовольствия, непременно породит в нем и противоположное, то есть неудовольствие, конечно, тоже ощутительное и так далее, и так далее, так всегда и во всем.

Применяя для данного случая эту сложившуюся веками народную мудрость, выраженную в образе палки, которая, как сказано, и действительно имеет два конца, из которых если один конец считать хорошим, а другой плохим, то и в данном случае всенепременно должно получиться, что если я теперь использую приобретшийся во мне только благодаря долгой практике упомянутый автоматизм и для меня будет это хорошо, то согласно этому изречению, без всякого сомнения для читателя должно получиться как раз обратное, а что такое обратное хорошему, всякий, даже необладатель, геморроя очень легко может понять.

Короче говоря, если я воспользуюсь своим преимуществом и возьмусь за хороший конец палки, то плохой конец ее неизбежно должен прийти «по-головам-читателей».

Это может действительно получиться так, потому что на русском разговорном языке нельзя выразить всяких, как говорится, «тонкостей» разных философских вопросов, каких вопросов я намереваюсь в последующих моих писаниях коснуться тоже не мало, а на армянском – это хотя и возможно, но зато, к несчастью всех армян, разбираться на нем о современных понятиях уже стало теперь совершенно немыслимым.

Исключительно для того только, чтобы облегчить в себе горечь внутренней обиды от этого, скажу, что в моей ранней молодости, когда я впервые стал интересоваться и очень увлекался филологическими вопросами, я полюбил этот армянский разговорный язык больше всех других, на которых я тогда говорил, даже больше моего родного языка.

Этот язык мне тогда очень нравился главным образом потому, что он был своеобразен и ничем не походил на другие, как соседних народностей, так и родственные ему языки.

Всякие его, как говорят ученые филологи, «тональности» были свойственны ему одному и, по моему даже тогдашнему разумению, он в идеале отвечал психике людей, принадлежавших к этой нации.

А за какие-нибудь тридцать – сорок лет на моих глазах этот язык изменился так, что в настоящее время вместо самостоятельного самородного, из глубокой древности до нас дошедшего языка, получился и существует, хотя тоже самостоятельный и своеобразный разговорный язык, но уже представляющий из себя, как можно было бы назвать, – «клоунского-жанра-попури-из-языков», совокупность созвучаний которого, при восприятии слухом человека более или менее понимающего и сознательно слушающего, отзывается только как «созвуча-

ния» турецких, персидских, французских, курдских, русских слов и еще каких-то совершенно «неудобоваримых» членораздельных звуков.

То же самое почти можно сказать относительно моего родного разговорного языка, – греческого, на котором я говорил в детстве и, как можно было бы сказать, «вкус-ассоциативно-автоматической-мочи», которого и по настоящее время сохранился во мне. На нем пожалуй я мог бы теперь выразить все, что хочу, но применять его для писания не имею возможности вследствие той простой и довольно-таки комической причины, что ведь надо же, чтобы кто-нибудь переписывал мои писания и переводил на другие требующиеся языки. А кто может это делать?

С уверенностью можно сказать, что даже самый хороший знаток современного греческого языка не поймет решительно ничего из того, что я буду писать на моем, усвоенном мною с детства, родном языке, потому что мои дорогие «однорассольники», увлекаясь и желая, во что бы то ни стало, и своим разговорным языком тоже походить на представителей современной цивилизации, за эти же тридцать – сорок лет с этим дорогим мне разговорным языком проделали то же самое, что и со своим армяне, желавшие походить на русских интеллигентов.

Тот греческий разговорный язык, дух и сущность которого передались мне по наследству, и тот, на котором теперь говорят современные греки, так же похожи друг на друга, как, по выражению Молла Наср-Эддина, – «гвоздь-может-быть-похожим-на-панихиду».

Как же теперь быть?

Э...э...эх! Ничего, почтенный покупатель моих мудрствований. Лишь было бы побольше «французского арманьяка» и «хайсарской бастурмы», а там я уже найду, как выйти даже и из такого трудного положения. Не привыкать стать!..

В жизни мне приходилось так много раз попадать в трудные положения и выходить из них, что для меня это сделалось почти делом привычки.

В данном случае пока что буду писать частью по-русски и частью по-армянски, тем более что для обоих этих разговорных языков здесь среди постоянно около меня «болтающихся» есть несколько таких, которые более или менее «мозгуют» на обоих этих языках, и во мне пока имеется надежда, что они смогут переписывать и переводить с обоих этих языков для меня сносно.

На всякий случай еще раз повторяю, повторяю для того, чтобы вы помнили хорошо, а не так как вы обычно все помните и на основании такого вашего «помнения» привыкли выполнять данное себе или другим свое слово, что каким бы языком я ни пользовался, всегда и во всем я буду избегать употребления этого мною названного «бонтоно-литературного-языка».

Экстраординарно-курьезным и даже в высшей степени, пожалуй, выше обычного вашего представления, достойным любознательности фактом является то, что с самого детства, именно с тех пор, как зародилась во мне потребность разорять птичьи гнезда и дразнить сестер моих сверстников, с этих именно пор в моем, как называли это древние теософы, – «планетном-теле», но все же почему-то преимущественно в правой его половине, возникло какое-то инстинктивное непроизвольное ощущение, которое постепенно вплоть до того периода моей жизни, когда я сделался «учителем-танцев», оформилось в определенное чувствование, а затем, когда благодаря этой моей профессии я стал сталкиваться с людьми разных «типностей», то постепенно убедился и сознанием своим, что подобные разговорные языки, или скорее так называемые «грамматики» таких языков составляются людьми, которые являются в смысле знания данного языка такими типами из среды нас, которых многоуважаемый Молла Наср-Эддин как-то характеризовал так: «Если бы их не было, то наши свиньи никогда не различали бы качества апельсин».

Этого сорта люди, приобретающие по достижении ответственного возраста в процессе нашей ненормальной жизни тоже из-за гнилой наследственности и тошнотворного воспитания свойства «моли-пожирательницы» такого именно рода добра, уготовленного и оставленного

нам нашими предками и временем, не имеют никакого понятия и наверно даже не слышали о том явно кричащем факте, что в подготовительном возрасте в мозговой функционизации всякой твари, также конечно и у человека, приобретает особое определенное свойство, автоматическую осуществляемость и проявляемость которого древние корколаны и прозвали «законом-ассоциации», и что у каждой жизни, особенно у человека, процесс мышления его протекает исключительно в согласии с этим законом.

Ввиду того, что мне пришлось коснуться здесь случайно вопроса, сделавшегося за последнее время одним из моих, так сказать, «коньков», именно о процессе человеческого мышления, я считаю возможным, не дожидаясь предназначенного мною соответствующего места для освещения этого вопроса, уже теперь, в первой главе, высказаться хотя бы только относительно той ставшей мне случайно известной аксиомы, что на Земле в прошлом во все века было обыкновением, чтобы всякий человек, в котором возникает дерзание иметь право считаться с другими и самому считать себя «сознательно-мыслящим», уже в начальные годы своей ответственной жизни был бы осведомлен о том, что вообще у людей имеются два рода мышления: один род – это мыслями, для выражения которых и употребляются слова, всегда имеющие в себе смысл относительный; а другой род мышления, который свойственен как человеку, так и всем животным есть, как я бы его назвал, «мышление-формой».

Этот второй род мышления «формой», которым и должен собственно говоря восприниматься и, после сознательного сопоставления с уже имеющимися сведениями, усваиваться точный смысл также и всякого писания, образовывается в людях в зависимости от условий географического места их нахождения, климата, времени и вообще всего окружающего, в которых произошло возникновение и протекало их существование до совершеннолетия.

Согласно этому в мозгу людей различных рас и положений и живущих в разных географических местностях, об одном и том же предмете или идее, или даже целом понятии, образуются совершенно самостоятельные некие формы, которые во время функционизаций, то есть ассоциаций, вызывают в их существе то или другое ощущение, субъективно обуславливающее определенные представления, какие представления и выражаются ими теми или иными словами, служащими только для внешнего субъективного выражения этих представлений.

Вследствие этого, для одной и той же вещи или идеи у людей различных географических местностей и рас, каждое слово приобретает очень определенное и совершенно различное, так сказать, «внутреннее-содержание».

Иными словами, если в общем наличии какого-нибудь человека, возникшего и оформившегося на какой-либо местности, слагается известная «форма» от результатов специфических местных влияний и впечатлений, и эта форма при ассоциации вызывает в нем ощущение определенного «внутреннего-содержания», следовательно и определенного представления или понятия, и для выражения этого он употребляет то или иное слово, становящееся для него в конце концов привычным и, как я уже сказал, субъективным, то другой слушающий, в существе которого относительно данного слова, благодаря иным условиям его возникновения и роста, образована форма с другим «внутренним-содержанием», – всегда воспримет и, конечно, неизбежно поймет под этим словом нечто, по смыслу совершенно иное.

Такой факт, между прочим, можно очень ясно констатировать при внимательном и беспристрастном наблюдении, когда присутствуешь при обмене мнений лиц, принадлежащих к двум разным расам или возникших и оформившихся на разных в географическом отношении местностях.

Итак, жизнерадостный и «куражополный» кандидат в покупатели моих мудрствований.

Предупредив вас, что я буду писать не так, как вообще пишут «профессионалы-писатели», а совсем по-другому, я советую, прежде чем приступить к чтению дальнейших моих изложений, серьезно подумать и только потом браться за чтение, а то может быть ваш слух и прочие восприимательные и переваривающие органы так сильно уже наавтоматизированы

к существующему в данный период течения времени на Земле «интеллигентно-литературному-языку», что чтение такого писания может подействовать на вас очень и очень какофонно и от этого вы можете потерять ваш... знаете что? – ваш аппетит на любимое блюдо и на то чувство, особо теребящее ваше «нутро», которое происходит в вас при виде соседки-брюнетки.

В такой возможности от действия моего языка, собственно говоря, скорее от образа моего мышления, я, из-за множества повторявшихся в прошлом случаев, уже убежден всем моим существом так, как «породистый-осел» убежден относительно верности и справедливости своего упрямства.

Вот только теперь, после того, как я вас предупредил о самом главном, за дальнейшее я совершенно спокоен, так как если с вами произойдет какое-либо недоразумение из-за моих писаний, вы сами всецело будете виноваты, а моя совесть также будет чиста, как например... у императора Вильгельма.

Вы наверно в данный момент думаете, что я, конечно, молодой человек с приятной наружностью и, как некоторые выражаются, «с-подозрительной-внутренностью», и, как начинающий писатель, очевидно намеренно оригинальничая, чтобы сделаться, быть может, известным и, следовательно – богатым.

Если вы так действительно думаете, то очень и очень ошибаетесь.

Во-первых, я не молод – жил уже столько, что в своей жизни, как говорится, «съел собаку», и не одну собаку, а «целую псарню» – а во-вторых, вообще я не пишу для того, чтобы этим самым создать себе карьеру и стать на хорошие, как говорится, «житейские-ноги» благодаря этой профессии, которая, кстати сказать, по моему мнению, дает много шансов сделаться кандидатом прямехонько – в «ад», если вообще подобные люди могут своим бытием усовершенствоваться хотя бы до этого, за то что сами, решительно ничего не зная, пишут относительно всевозможных «небылиц» и этим самым, автоматически приобретая авторитет, делают виновниками одного из главных факторов той совокупности причин, которые с каждым годом беспрестанно продолжают еще больше «размельчать» и без того уже чересчур размельчавшуюся психику наших людей.

А что касается моей личной карьеры, то, благодаря всем высшим, низшим и, если хотите, правым и левым силам, я давно ее осуществил и уже давно стою на хороших «житейских-ногах» и даже, пожалуй, на очень хороших, и уверен, что крепости их хватит еще на долгие годы на зло всем прошлым, настоящим и будущим моим врагам.

Да! По-моему не мешает вам сказать также относительно только что возникшей в моем, как в данный момент вам должно казаться, «сумасбродном», мозгу идеи, а именно, чтобы специально потребовать там, куда я отдам для печатания мою первую книгу, поместить эту первую главу моих писаний таким образом, чтобы всякий мог ее прочесть, еще не разрезая самой книги и узнав, что и все дальнейшее написано не обычно, то есть не для способствования производить очень гладко и легко в мышлении читателя разные возбуждающие образы и усыпляющие мечты, мог бы при желании без лишних разговоров с торговцем возвратить ее и получить обратно свои, может быть собственным потом добытые, деньги.

Я тем более сделаю непременно так, потому что сейчас опять вспомнил ту, случившуюся с неким закавказским курдом историю, которую я слышал в моей еще совсем ранней юности и которая в последующей моей жизни при воспоминании о ней в соответствующих случаях всегда порождала во мне «долго-неугасаемый» импульс умиления.

По-моему, будет очень полезно как для меня, так и для вас, если я расскажу вам про эту историю, происшедшую с упомянутым закавказским курдом, немного подробнее.

Будет полезно, потому что мною уже решено самую вытекающую из этой истории «соль», или, как бы сказали современные чистокровные «дельцы-евреи», – «цимес», сделать одним из основных принципов общей той новой литературной формы, которую я собираюсь применить для достижения преследуемых мною целей через посредство этой моей новой профессии.

Этот закавказский курд как-то раз из своей деревни по каким-то делам отправился в город и там на базаре, в лавочке фруктовщика, увидел красиво устроенную выставку из всевозможных фруктов.

Среди этих выставленных фруктов он заметил один очень красивый как по цвету, так и по форме «фрукт», который по своей внешности так ему приглянулся и ему так захотелось его попробовать, что, несмотря на почти полное отсутствие у него денег, он решил непременно купить хотя бы только один такой дар Великой Природы и отведать его.

Тогда он, в большом возбуждении и с несвойственной ему смелостью, заходит в лавку и, указывая своим перстом, конечно мозолистым, на понравившиеся ему «фрукты», спрашивает у лавочника о цене. Лавочник ему отвечает, что фунт их стоит шесть грош.

Он, находя, что эта цена для такого по его понятиям «прекраснейшего фрукта» совсем не дорогая, покупает целый фунт.

Кончив свои дела в городе, наш курд в тот же день опять пешком возвращается домой в свою деревню.

Идя во время заката солнца по горам и долинам, волей-неволей воспринимовывая внешнюю видимость вообще очаровывающих частей лона Великой Природы, Общей Матери, и непроизвольно впитывая в себя чистый воздух, не отравленный обычными выделениями промышленных городов, ему очень естественно вдруг захотелось удовлетвориться также обычной пищей, и потому он, сев на краю дороги и достав из своего провизионного мешка хлеб и купленные приглянувшиеся ему «фрукты», стал не торопясь есть.

Но... О ужас! Очень скоро в нем все начало гореть.

Несмотря на это он продолжал свою еду.

Это несчастное двуногое творение продолжало делать это только благодаря той самой особой, впервые мною отмеченной человеческой присущности, принцип которой я как раз имел в виду, когда предрешил положить его в основу созданной мною новой литературной формы, намеренно сделать одним из факторов, приводящих к намеченной мною цели, как бы сказать «руководящим-маяком», смысл и значение которого, я уверен, и вы тоже скоро поймете, конечно, согласно степени вашей сообразительности, во время чтения какой-либо из последующих глав моего писания, если конечно рискнете и будете читать дальше, а может быть вы уже «расчихаете» кое-что даже в конце этой первой главы.

Итак, в то время как наш курд был поглощен всеми в нем происходящими, ему несвойственными ощущениями от такой своеобразной трапезы на лоне природы, по той же дороге проходил его односельчанин, слывший среди своих за человека очень умного и бывалого, и он, видя что все лицо его земляка горит, а из глаз льются слезы, и что несмотря на это он, увлеченный как бы выполнением самого главного своего долга, продолжает есть настоящий «стручковый перец», говорит ему:

– Что ты делаешь, идиот иерихонский?! Ведь ты совсем сторишь! Брось есть этот необычный и непривычный для твоей натуры продукт.

А наш курд ему и отвечает:

– Нет, ни за что не брошу. Ведь я за них заплатил мои последние шесть грош. Если даже моя душа выйдет из моего тела, и то я буду их есть.

Сказав это, наш положительный курд – надо конечно полагать, что он был таковым – не прекратил, а продолжал есть «стручковый-перец».

После только что вами воспринятого, я надеюсь, конечно, только на всякий случай, что в вашем мышлении уже начинает возникать соответствующая мыслительная ассоциация, долженствующая в результате, как у некоторых современных людей иногда бывает, слагать то самое, что вы вообще называете пониманием и что в данном случае вы понимаете меня, именно: почему я, хорошо зная и неоднократно уже преисполняясь умилением от такой человеческой присущности, заключающейся в неизбежной проявляемости того, что, если кто

заплатит за что-либо деньги, он должен использовать обязательно все до конца, воодушевился всем своим общим наличием возникшей в моем мышлении идеей, принять все доступные мне меры для того, чтобы вы, мой, как говорится, «ближний-по-аппетиту-и-по-духу», если бы оказались человеком, который уже привык читать хотя и всякие книги, но все же только написанные исключительно на упомянутом «интеллигентско-разговорном-языке», и, уже заплатив деньги за мои писания, только потом узнали бы, что они написаны не на том обычном для вас удобно и легко читаемом языке, не были бы принуждены в силу этой человеческой присущности дочитывать их во что бы то ни стало до конца, подобно тому, как принужден был это делать наш бедный закавказский курд с едой, приглянувшейся ему только пока по внешности, «шу-тить-не-любящего» благородного «красного перца».

Вот я и хочу, в целях избежания какого-либо недоразумения из-за такой присущности, данные для которой слагаются в общем наличии современного человека очевидно благодаря тому, что он часто посещает кинематограф и не упускает случая заглянуть в левый глаз особе другого пола, чтобы эта моя вступительная глава была напечатана сказанным образом и всякий мог бы ее прочесть, не разрезая самой книги.

В противном случае книжный торговец, как говорится, «прицепится» и непременно лишний раз проявит себя согласно основного принципа вообще торговцев, формулируемого ими следующими словами: «Ты-будешь-большой-дурак-а-не-рыбак-если-упустишь-рыбу-уже-дотронувшуюся-до-приманки», и разрезанную книгу не захочет принять обратно.

Относительно того, что это может так случиться, у меня нет никакого сомнения. Я вполне ожидаю такую с их стороны бессовестность.

Факторы для порождения во мне уверенности в такой, со стороны книжных торговцев, бессовестности окончательно оформились тогда, когда, в бытность мою профессиональным «индийским факиром», мне понадобилось для свершительного выяснения одного «ультра-философского» вопроса ознакомиться, между прочим, также с ассоциативным процессом для проявляемости автоматически сконструированной психики современных книжных торговцев и их приказчиков, во время всучивания ими книг покупателям.

Зная все это, и к тому же став после случившегося со мной несчастья по своей натуре до последних пределов щепетильным и справедливым, я не могу не повторить, то есть еще раз, не предупредить, и даже умоляюще советовать, чтобы вы, прежде чем приступить к разрезанию листов этой моей первой книги, очень внимательно и даже не один раз прочитали бы эту начальную главу моих писаний.

А в том случае, если вы, несмотря даже на такое мое предупреждение, все-таки пожелаете ознакомиться с дальнейшим содержанием моих изложений, то мне ничего другого не останется сделать, как только пожелать вам от всей моей «настоящей-души» очень и очень хорошего «аппетита» и желать вам все прочитанное «переварить» не только во здравие вас самих, но и во здравие всех ваших близких.

Я сказал «настоящей-моей-души», потому что, живя последнее время в Европе и сталкиваясь часто с людьми, любящими при всяком подходящем и неподходящем случае упоминать все всякие, долженствующие быть священными, употребляемыми только для внутренней жизни человека, имена, то есть напрасно клясться, я, будучи, как уже признался, вообще последователем не только теоретическим, какими последователями чего-либо становятся современные люди, а и практически веками зафиксированных народной мудростью изречений, в том числе и изречения в высшей степени соответствующего данному случаю, выраженного словами – «с-волками-жить-по-волчьи-выть», решил, для того, чтобы не вносить дисгармонии в это установившееся здесь в Европе обыкновение, – клясться при разговорных сношениях и в то же время поступать согласно заповеди, выраженной устами святого Моисея – «не беспокоить понапрасну священных имен», воспользоваться одним из казусов «новоиспеченного», в дан-

ный период модного разговорного языка, то есть английского, и начал в требующихся случаях клясться моей «английской-душой».

Дело в том, что на этом разговорном языке слова «душа» и «пятка» не только произносятся, но даже почти пишутся, одинаково.

Не знаю, как вы, уже наполовину кандидат на покупателя моих писаний, но моя своеобразная натура не может даже при большом умственном желании не возмущаться и таким фактом проявляемости людей современной цивилизации. На самом деле, как можно самое высшее человеческое, особенно любимое нашим ТВОРЦОМ ОБЩИМ отцом, именовать и частенько до уяснения себе принимать за самое низшее в человеке?

Ну, довольно «филологствовать». Вернемся к основной задаче этой начальной главы, предназначенной с одной стороны для «тормошения» залежавшей мысли как у меня, так и у читателей, а с другой стороны, предупредить кое о чем этих последних.

Итак, план и последовательность изложения мною задуманного я уже составил в моей голове, но в какую это выльется форму при нанесении на бумагу, откровенно говоря, пока я и сам своим сознанием еще не охватил, но всем результатом функционизации моего инстинкта определенно уже чувствую, что в общем все это выльется в «нечто» очень и очень «забористое» и будет иметь воздействие на общее наличие всякого читателя, вроде воздействия «стручкового-перца» на бедного закавказского курда.

Теперь после ознакомления вас с историей нашего общего земляка, закавказского курда, я уже считаю своим долгом кое в чем признаться, и потому, прежде чем продолжать изложение этой первой главы, служащей вступлением ко всему мною предрешенному написать, хочу довести до сведения вашего «чистого», то есть бодрственного, сознания о том, что в дальнейшем писании даже и данной первоначальной главе я буду излагать мои мысли намеренно в такой последовательности и с такой «логической-сопоставляемостью», чтобы сущность некоторых реальных понятий сама по себе автоматически из такого «бодрственного-сознания» современного читателя, каковое «сознание» большинство современных людей принимает за настоящее, а я утверждаю и экспериментально доказываю, что оно фиктивное, могла бы доходить до так называемого вами «подсознания», долженствующего, по моему мнению, быть «настоящим» человеческим сознанием и там сама по себе механически подвергаясь той самой трансформации, которая должна вообще происходить в общем наличии человека, давала бы, при посредстве собственного его волевого «активного-мышления», долженствующие результаты, присущие человеку, а не просто одномозжному и двухмозжному животному.

Я решил непременно сделать так, чтобы эта моя вступительная глава, предназначенная, как я уже сказал, будить и ваше сознание, вполне оправдала бы свое назначение и, доходя не только до вашего, пока только, по-моему, фиктивного «сознания», а также и до настоящего, то есть по-вашему – подсознания, может быть впервые заставила бы вас активно помыслить.

Следует, кстати, сказать, что в общем наличии всякого человека, независимо от его воспитания и наследственности, оформливаются два самостоятельных сознания, которые как в своих функционизациях, так и в проявлениях почти ничего общего между собой не имеют.

Одно из них образовывается от восприятия всяких случайно происходящих или намеренно со стороны других производимых механических впечатлений, в числе каких впечатлений следует считать также и «созвучия» разных слов, являющихся на самом деле действительно, как говорится, «пустыми», а другое сознание образовывается от так сказать «уже-слагавшихся-раньше-материальных-результатов» и слившихся с соответствующей частью общего наличия данного человека как перешедших к нему по наследству, так и в нем самом возникших от сознательно производимых им ассоциативных сопоставлений этих уже имеющих в нем «материализованных-данных».

Вся совокупность как слагаемости, так и проявляемости этого второго человеческого сознания, которое является ничем иным, как называемым вами «подсознанием», и которое

образовывается от «материальных-результатов» наследственности и сопоставлений, осуществляемых собственным намерением, и должна, по моему мнению, сложившемуся согласно многолетним моим экспериментальным выяснениям, протекавшим при исключительно благоприятно складывавшихся для этого условиях, первенствовать в общем наличии человека.

Исходя из этого убеждения, – пока только моего, – а для вас являющегося в данный момент, по всей вероятности, продуктом фантазии особого вида душевнобольного, я, как вы сами видите, не могу уже теперь не считаться с этим и даже должен считать себя обязанным общее изложение и этой первой главы, все же долженствующей явиться также и предисловием для всего дальнейшего моего писания, вести с таким расчетом, чтобы и оно доходило и требуемым для моей цели образом «тормозило» накопившиеся всякого происхождения восприятия в обоих этих ваших сознаниях.

Продолжая излагать уже с таким расчетом, я хочу прежде всего довести до сведения этого вашего фальшивого сознания о том, что, благодаря слагавшимся в разные периоды моей жизни подготовительного возраста в моем общем наличии трем очень специфическим психическим данным, я теперь являюсь действительно единственным в своем роде в смысле, так сказать, «запутывания-и-перепутывания» у сталкивающихся со мной людей всяких понятий и убеждений, которые как будто уже прочно в их общем наличии зафиксировались.

Та-та-та-та... я уже чувствую как в вашем фальшивом, а по-вашему «настоящем», сознании начали, как «мухи-слепни», копошиться всякие данные, перешедшие к вам по наследству главным образом от дяди и «маман», которые хотя и порождают в вас в совокупности только единый, но зато до умиления хорошо просвечивающий всегда и во всем импульс любопытства, как в данном случае – поскорее узнать, почему же я, то есть какой-то начинающий писатель, чье имя вы до сих пор ни разу даже в газетах не приметили, являюсь вдруг таким уже уникалом.

Ничего... Лично я очень доволен, если конечно он сильнее обычного, возникновением в вас даже этого недостойного для человека импульса, порождаемого в вас хотя бы через посредство вашего фальшивого сознания потому, что я по опыту уже знаю, что у некоторых этот, даже порождаемый от фальшивого сознания импульс, иногда может в самой натуре превратиться в достойный для человека импульс, именующийся «любопытностью», который в свою очередь обычно способствует лучшему восприятию и даже близкому пониманию сущности того предмета, на котором иногда бывает, что у современного человека может концентрироваться внимание на что-либо определенное, и потому я согласен даже удовлетворить с удовольствием это возникшее в вас в данный момент любопытство.

Так слушайте же и постарайтесь не разочаровать, а оправдать мое ожидание.

Эта моя оригинальная личность, «расчуханная» уже некоторыми определенными индивидуумами с обоих клиросов верховного судилища, в котором происходит «объективное-правосудие», а здесь на Земле пока еще очень ограниченным числом людей, базируется, как я уже говорил, на трех в разное время, еще в период моего подготовительного возраста, слагавшихся во мне очень специфических данных.

Первое из них с самого начала его возникновения сделалось для всего моего целого как бы основным руководящим рычагом, а два других последующих – как бы «животворящими-источниками» для питания и усовершенствования этого первого.

Возникновение первого произошло еще тогда, когда я был еще совсем маленьким, как таких называют, «карапузом».

Моя дорогая, ныне покойная, бабушка еще была в живых и имела от роду сто с чем-то лет.

Вот эта моя бабушка – Царство ей Небесное! – когда умирала, и моя мать, как это было тогда в обычае, подвела меня к ее постели, она, дорогая моя покойная бабушка, пока я целовал ее правую руку, положила на мою голову свою умирающую левую руку и, хотя и тихо, но очень внятно сказала:

– Самый старший из моих внуков! Слушай и запомни навсегда мой тебе строгий завет: ты в жизни никогда не делай ничего такого, что делают другие.

Сказав это, она посмотрела на мою переносицу и, очевидно заметив мое недоумение и неясное понимание того, что она сказала, на этот раз немного уже сердито и внушительно добавила:

– Или ты ничего не делай, ходи только в школу, или делай что-нибудь такое, чего не делает никто.

После этого она сразу без промедления, с заметным импульсом презрения ко всему окружающему и с достойным самосознанием, свою душу отдала непосредственно в собственные руки Самого Его Верности Архангела Гавриила.

По-моему, вам будет интересно и даже поучительно узнать и про то, что все это тогда на меня самого произвело такое сильное впечатление, что я вдруг сразу как будто лишился возможности переносить кого бы то ни было из окружающих и потому, когда мы вышли из комнаты, в которой осталось лежать брэнное «планетное-тело» причины моего возникновения, я тихонько, стараясь быть незамеченным, забрался в яму, в которой во время великого поста сохранялись в запас отруби и шелуха картофеля для «санитаров» нашего дома, то есть свиней, и пролежал в ней с вихрем волнующих меня и путающихся мыслей, имевшихся в моем детском мозгу к моему тогдашнему счастью еще очень мало, без еды и питья вплоть до возвращения моей матери с кладбища, результат плача которой после обнаружения моего отсутствия и тщетных поисков как бы «сломил» меня, и я моментально вылез из ямы и, постояв раньше на краю ямы почему-то с вытянутыми вперед руками, потом подбежал к ней и, крепко вцепившись в ее юбку, начал, непроизвольно топая ногами, почему-то подражать крику осла, принадлежавшего нашему соседу, судебному приставу.

Почему это произвело тогда на меня такое сильное впечатление и почему я почти автоматически стал себя так странно проявлять, я так-таки до сих пор этого себе и не уяснил, хотя за последние годы, особенно в дни так называемой у нас «масленицы», много раз задумывался главным образом над этим, стараясь доискаться причины его.

Я пока вынес лишь только такое логическое предположение, что, может быть потому, что комната, в которой происходило такое долженствовавшее иметь колоссальное значение для всей моей дальнейшей жизни священнодействие, была до крайних пределов пропитана запахом специального ладана, привезенного из очень популярного среди всех оттенков последователей христианской религии монастыря «Старого Афона».

Как бы там ни было, но свершившийся тогда факт и поныне остается голым фактом.

В последующие за этим событием дни в моем общем состоянии ничего особенного не произошло, если не поставить в связь с этим то, что я стал с этого времени чаще обычного ходить вверх ногами, то есть на руках.

Первый мой поступок, явно не согласовавшийся с проявлениями других, хотя правда еще без участия не только моего сознания, но даже и подсознания, случился как раз на сороковой день кончины моей дорогой бабушки, когда вся наша семья, родственники и все почитавшие мою милую, располагавшую всех к себе бабушку, собрались, как это было в обычае, на кладбище произвести над покоящимися в могиле ее бранными останками церемонию, называемую «панихида». Я вдруг, ни с того ни с сего, вместо принятого одинаково у людей всех слоев как осязаемой, так и неосязаемой нравственности и материального положения обыкновения – стоять спокойно, как бы удрученными, с печальным выражением лица и даже, если возможно, со слезами на глазах, начал вокруг могилы подпрыгивать, как бы танцуя, и припевать:

Со святыми да упокой,
Человек она была не простой...

и так далее, и так далее.

Вот с этого, кажется, и началось, что в моем общем наличии возникло «нечто» такое, которое в смысле всякого, так сказать, «обезьянничанья», то есть подражания обычным автоматическим проявлениям окружающих, стало всегда и во всем порождать, как я это теперь назвал бы, – «потребное-стремление» делать не так, как это самое делают другие.

В том моем возрасте я совершал поступки, например, вроде следующих.

Если брат, сестры и приходящие к нам соседские дети, для того, чтобы наловчиться ловить одной рукой мячик – конечно, правой рукой, как это обычно было для всех, раньше бросали его вверх – то я для такой же цели, прежде, хотя тоже правой рукой, очень сильно ударял мяч об пол и, когда он подскакивал в воздух, успевая делать сальто-мортале, ловил его только большим и средним пальцами, но уже непременно левой руки или, если все прочие дети с горки на саночках катились лицом вперед, я это делал, как тогда дети называли, – «задним-ходом», или еще, если нам детям давали разной формы так называемые «абаранские пряники», то обыкновенно все остальные дети, прежде чем положить в рот, предварительно облизывали их, очевидно с тем, чтобы выяснить себе вкус и продлить получаемое удовольствие, я же раньше каждый такой пряник со всех сторон нюхал, иногда даже прикладывал к уху и внимательно прислушивался и потом только, произнося про себя, хотя почти бессознательно, но очень серьезно «таки-таки-таки-надо, не-кушай-чего-не-надо» – и, издавая в рифму соответствующие звуки, один раз только придавливая их зубами и не смакуя, сразу проглатывал его и так далее, и так далее...

Первое событие, во время которого возникло во мне одно из двух упомянутых данных, сделавшихся «животворными-источниками» для питания и усовершенствования завета моей покойной бабушки, произошло как раз в том моем возрасте, когда я, превратившись из карапуза в так называемого «мальчишку-сорванца», начинал уже представлять из себя, как иногда говорят, «кандидата-на-молодого-человека-приятной-наружности-и-с-неопределенным-внутренним-содержанием».

Произошло это событие при следующей случайной, а может быть даже самой судьбой специально скомбинированной, обстановке.

Как-то на крыше соседнего дома в числе других, таких же как и я, «мальчишек-сорванцов», я ставил «силок» для ловли голубей.

Один из стоявших над моей головой и внимательно наблюдавших мальчиков сказал:

– По-моему, петлю из волос хвоста лошади следует располагать с таким расчетом, чтобы в нее не попал средний самый длинный палец голубя, потому что, как недавно объяснил нам наш учитель зоологии, у голубя во время движения в этом самом его пальце концентрируется вся имеющаяся в нем резервная сила и потому, если этот палец попадет в петлю, голубь конечно может легко разорвать ее.

Другой мальчик, стоявший нагнувшись как раз против меня, у которого, между прочим, всегда изо рта во время говора без экономии брызгали во все стороны слюны, на такое замечание первого огрызнулся, выпаливая вместе с обильным количеством слюны следующие слова:

– Останови твою говорильную машину, безнадежный выродок отпрысков готтентотов. Ты такой же недоносок, как и твой учитель. Если даже это и так, что у голубя самая большая физическая сила концентрируется в этом среднем пальце, то тем более надо принять все меры, чтобы в петлю попался как раз этот самый его палец! Тогда-то именно и будет иметь значение для нашей цели, то есть для ловли этих несчастных тварей-голубей, та мозговая особенность, которая присуща всем носителям этого мягкого и склизкого «нечто» и заключается в том, что когда благодаря другим воздействиям, от которых зависит и его незначительная проявляемость, возникает закономерная, периодически требуемая так называемая «перетасовка-наличия», то это маленькое, так сказать «закономерное-замешательство», долженствующее происходить для воодушевления других проявлений общей функционизации,

моментально способствует центротяжести всей функционизации, в которой это склизкое «нечто» принимает очень маленькое участие, временно перейти из обычного места в иное место, из-за чего часто и получается во всей этой общей функционизации до абсурда бессмысленные неожиданные результаты.

Последнее слово он «выпалил» с таким извержением слюны, что все мое лицо как бы подверглось действию «пульверизатора», придуманного и выделанного германцами для окрашивания материй анилиновыми красками.

Этого я уже не стерпел и, не изменяя моей согнутой позы, ринулся на него и со всей силы попал головой в подложечную область, от чего он тут же растянулся, потеряв то, что называется «сознанием».

Я не знаю и не желаю знать, какого рода результаты будут слагать в вашем мышлении сведения о тех житейских обстоятельствах, которые я сейчас сообщу вам, но для моего мышления это самое является не только характерным совпадением, но служит большим козырем для уверования в возможность такого факта, что все эти описываемые мною события, имевшие место в моей юности, происходили не просто случайно, а создавались какими-то постоянными силами намеренно.

Дело в том, что такой ловкости в упомянутом приеме я был обучен только за несколько дней до этого события одним, попавшим в наш город и нанятым моими родителями для меня в качестве учителя новогреческого языка, греческим священником из Турции, который, гонимый за свои политические убеждения, вынужден был бежать оттуда.

Я не знаю на чем базировались его политические убеждения и идеи, но мне очень хорошо помнится, что во всех разговорах этого греческого священника, даже во время объяснения мне разницы между древне и новогреческими восклицательными словами, действительно всегда у него очень явно просвечивались его мечты о том, чтобы поскорее попасть на остров Крит и там проявить себя, как подобает истинному патриоту.

Увидя тогда впервые такой результат моей ловкости, признаться я сам очень испугался, потому что, еще не зная про такую реакцию от удара в это место, подумал, что я его убил.

В то время, пока я переживал сказанный испуг, другой мальчик, двоюродный брат того, который сделался первой жертвой такой моей, так сказать – «самооборонной-ловкости», увидя это, не раздумывая, поддавшись очевидно чувству так называемой «единокровности», сразу подскочил ко мне и со всего размаху ударил меня кулаком по лицу.

От этого удара у меня, как говорится – «из-глаз-посыпались-искры» и вслед за этим мой рот заполнился чем-то, как будто в него напихали кашицы для искусственного откармливания тысячи цыплят.

Когда по прошествии некоторого времени во мне стали успокаиваться оба странные ощущения, я уже реально обнаружил, что во рту у меня есть что-то постороннее, и когда я вынул его пальцами, то оказалось, что это не что иное, как больших размеров и странной формы зуб.

Мальчишки, заметив меня рассматривающего этот необыкновенный зуб, все окружили меня и тоже стали с большим любопытством и странным безмолвием разглядывать его.

В это время мальчик, до этого лежавший пластом, пришел в себя и, встав на ноги, тоже, как будто ничего этого с ним не случилось, вместе с другими стал удивленно рассматривать мой зуб.

Этот странный зуб имел семь отростков и на конце каждого из них рельефно выступала капля крови, причем каждая капля в отдельности явно и определенно просвечивала одним из семи аспектов проявления белого луча.

После необычайного для нас «мальчишек-сорванцов» безмолвия, поднялся обычный галдеж и в этом галдеже нами было решено – сейчас же пойти к цирюльнику, специалисту по выдергиванию зубов и спросить его, почему этот зуб именно такой.

Мы все спустились с крыши и направились к этому цирюльнику, причем я, как «герой-дня», шел впереди всех.

Цирюльник, небрежно посмотрев на зуб, сказал, что это просто «зуб-мудрости» и бывает он такой у всех тех людей мужского пола, которые до первого произношения «папа и мама» питались молоком исключительно только родной матери и которые отличают с первого же раза среди многих других лиц своего родного отца.

От всей совокупности воздействий этого события, во время которого сделался «полной-жертвой-мой-бедный-зуб-мудрости», помимо того, что мое сознание с тех пор всегда и относительно всего стало впитывать в себя самую результирующую суть сущности завета моей покойной бабушки, Царство ей Небесное, во мне тогда также, вследствие того, что я не обратился, чтобы залечить бывшее вместилище этого моего зуба к «дипломированному-зубному-врачу», чего фактически не мог сделать из-за отдаленности нашего местонахождения от современных культурных центров и благодаря чему, из этого вместилища стало хронически понемногу сочиться «нечто», имеющее свойство, как это стало мне известно тоже только недавно благодаря объяснениям одного очень известного метеоролога, с которым мне пришлось случайно сделаться, как говорится – «задушевным-приятелем» на почве частых встреч в монмартрских ночных ресторанах Парижа, вызывает интерес и влечение к выяснению причин возникновения всякого подозрительного «реального-факта», и какое свойство, не по наследству перешедшее в мое общее наличие, постепенно само собою и привело меня к тому, что я в конце концов сделался специалистом по исследованию всяких «подозрительных-феноменов» как встречных, так и часто поперечных.

Это новообразовавшееся после этого события во мне свойство, когда я превратился уже, в охарактеризованного мною молодого человека, конечно при содействии «Всеобщего-Владыки-Беспощадного-Геропаса», то есть «течения-времени», сделалось для меня неугасаемым, всегда мощно пламенеющим и согревающим мое сознание, очагом.

Вторым из упомянутых животворных факторов уже для окончательного слития завета моей дорогой бабушки со всеми данными, составляющими мою общую индивидуальность, явилась совокупность впечатлений, полученных от случайно мною воспринятых сведений касательно происшедшей здесь у нас на Земле самой истории возникновения того «принципа», который, как оказалось согласно выяснениям господина Аллана Кардека во время одного «абсолютно-тайного» спиритического сеанса, сделался впоследствии всюду среди нам подобных существ, возникающих и существующих на всех других планетах нашей Великой Вселенной, – одним из главных «житейских-принципов».

Словесная формулировка такого, ныне «всевселенского», житейского принципа следующая: «Если-кутить-так-кутить-с-пересылкой».

Вследствие того, что этот «принцип», ныне уже являющийся общевселенским, возник на той же планете, на которой возникли и вы, да еще вдобавок существуете, почти постоянно припеваючи и частенько потанцовывая «фокстрот», то потому я не считаю себя в праве скрыть от вас известные мне сведения, выясняющие некоторые подробности возникновения и такого общевселенского факта.

Вскоре после окончательного внедрения в мою натуру упомянутой присущности, то есть безотчетного стремления к выяснению причин возникновения всяких «реальных фактов», я, когда попал впервые в самое сердце России, в город Москву, не находя там ничего другого для удовлетворения такой моей психической потребности, занялся исследованием всяких русских былин и поговорок.

И вот как-то раз, между прочим, мне пришлось, не знаю случайно ли или тоже вследствие каких-то объективных закономерных последовательностей, узнать следующее.

Некий русский, являющийся по внешней своей видимости для окружающих просто-напросто купцом, должен был поехать по каким-то делам из своего провинциального

города в эту вторую русскую столицу, город Москву, и его сын, причем любимый, вследствие того, что он был похож только на мать, попросил его привезти оттуда какую-то книгу. Когда этот великий автор «всеселенского-житейского-принципа» приехал в Москву, он там с одним своим приятелем, как полагалось и как доньше, кажется, полагается, напился, как говорится «вплотную», настоящей «русской водкой».

И когда эти два обитателя современной превеликой группировки двуногих дышащих, после выпитого соответствующего числа рюмок «русской-благодати» заговорили касательно вопроса, как там называют – «просвещения народа», а начинать с такого вопроса свои разговоры еще издавна стало там обыкновением, купец, вдруг по ассоциации вспомнив поручение своего сына, решил сейчас же вместе с этим своим приятелем отправиться в книжный магазин купить ему книгу.

В магазине купец, перелистывая поданную ему приказчиком книгу, спрашивает о ее цене.

Приказчик отвечает, что эта книга стоит шестьдесят копеек.

Купец, заметив, что на обложке книги цена помечена только сорок пять копеек, сперва странным и несвойственным вообще для российского обитателя образом задумывается, а потом, делая какую-то манипуляцию своими плечами, выпрямившись и выпятив грудь, подобно гвардейскому офицеру, почти остолбеневаает и после некоторой паузы очень спокойно, но с интонацией в голосе, выражавшей большую авторитетность, говорит:

– Вот здесь написано сорок пять копеек. Почему же вы запрашиваете шестьдесят?

Тогда приказчик, делая «маслянистое» лицо, как это свойственно делать всем приказчикам, заявляет: книга действительно стоит сорок пять копеек, но мы ее должны продавать за шестьдесят, так как пятнадцать копеек стоит ее пересылка.

После такого ответа приказчика у нашего русского купца, озадаченного такими двумя противоречащими, но до очевидности ясно согласующимися фактами, видимо стало что-то внутри происходить. И вот тогда-то он, устремив свой взгляд на потолок, опять задумывается, на этот раз подобно английскому профессору-изобретателю капсул для касторового масла, а потом, вдруг повернувшись к своему приятелю, выявляет из себя впервые в мире ту словесную формулировку, которая, выражая по своей сущности несомненную объективную истину, приняла с этих пор характер изречения.

А изрек он это тогда при следующем обращении к своему приятелю:

– Это ничего, мой дорогой! Мы эту книгу возьмем. Сегодня все равно мы кутим. Если кутить, так уж кутить с пересылкой!

Вот именно тогда, как только все это мною было осознано, во мне несчастном, обреченном еще при жизни испытать прелесть «Ада», началось и в течение довольно долгого времени продолжало происходить нечто очень странное, никогда до этого, ни после этого мною не испытанное. А именно – между всеми обычно происходящими во мне разноисточными ассоциациями и переживаниями стало происходить что-то вроде «перемещающихся-конских-скачек», существовавших и, кажется, существующих поньше у хивинцев.

Одновременно с этим по всей области моего позвоночника начался сильнейший, почти невыносимый зуд, а в самом центре моего «плексус-солярис» – колики, тоже нестерпимые, и все это, то есть эти странные двойственные, друг друга возбуждающие ощущения по прошествии некоторого времени вдруг заменились таким спокойным внутренним состоянием, какое я испытал в последующей моей жизни только раз, когда надо мною производили церемонию «великого-посвящения» в братство «Производителей-масла-из-воздуха». А потом, когда «Я», то есть то мое «нечто-неизвестное», которое в глубокой древности некий чудак, называвшийся тогда окружающими, как и мы теперь называем таковых, «ученым», определил: как «некое-относительное-переходящее-возникновение-зависящее-от-качества-функционизации-мысли-чувства-и-органического-автоматизма», а по определению другого, тоже древнего знаменитого, арабского ученого Мал-эль-Леля, каковое определение, кстати сказать,

впоследствии было заимствовано и на другой лад повторено не менее знаменитым уже греческим ученым, по имени Ксенофонт, есть «результат-совокупности-сознания-подсознания-и-инстинкта»; так вот, когда это самое мое «Я» в этом состоянии обратило свое обалдевшее внимание внутрь меня, то, во-первых – очень ясно констатировало, что все, до единого слова, выясняющее это ставшее «общевселенским-житейским-принципом» изречение, во мне трансформировалось в какое-то особое космическое вещество и, сливаясь с уже давно до этого скристаллизовавшимися во мне от завета моей покойной бабушки данными, превратило их в «нечто» и это «нечто», протекая всюду в моем общем наличии, осадилось в каждом атоме, составляющем это мое общее наличие, навсегда, а во-вторых – это мое злополучное «Я» тут же определенно ощутило и с импульсом покорности осознало тот для меня прискорбный факт, что с этого момента я уже волей-неволей всегда, во всем без исключения, должен буду проявляться согласно такой присущности, образовавшейся во мне не по законам наследственности, не под влиянием окружающих условий, а возникшей в моем общем наличии под воздействием трех, ничего общего между собой не имеющих, внешних случайных причин, а именно: благодаря, во-первых – завету особы, ставшей без всякого моего какого бы то ни было желания пассивной причиной причин моего возникновения; во-вторых – из-за выбитого моего же собственного зуба каким-то ее сорванцом-мальчишкой, главное из-за его «слюнявости»; и в-третьих – благодаря словесной формулировке, выявленной спяна совершенно чуждой мне личностью какого-то «русского купца».

До моего ознакомления с этим «всеселенским-житейским-принципом» я, если и осуществлял всякие проявления иначе, чем другие мне подобные двуногие животные, возникающие и прозябающие со мной на одной и той же планете, то делал это автоматически и только иногда полусознательно, но после этого события стал уже все делать сознательно, причем с инстинктивным ощущением двух слитых импульсов самоудовлетворения и самосознания корректного и честного выполнения своего долга перед Матерью Природой.

Надо даже подчеркнуть, что, хотя и до этого события я уже делал все не так как другие, но мои такие проявления почти не бросались в глаза вблизи меня находящимся моим землякам, а с момента, когда сущность этого житейского принципа так сказать ассимилировалась с моей натурой, то всякие мои проявления, как намеренные для каких-либо целей, так и просто как говорится от «ничего-неделанья», с одной стороны приобрели животворность и начали способствовать образованию «мозолей» на разных восприимчивых органах всякого без исключения мне подобного творения, прямо или косвенно направлявшего свое внимание на мои действия, а с другой стороны, я всякие свои затеи сам, согласно завету моей покойной бабушки, стал доводить до возможно максимальных пределов, причем у меня само по себе приобрелось обыкновение, чтобы всегда как при начале нового дела, так и при всяком изменении его в направлении, конечно большего масштаба, всегда произносить про себя или вслух: «Если-кутить-так-кутить-с-пересылкой».

Вот, например, также в данном случае, раз мне в силу не от меня зависящих причин, а вытекших из обстоятельств моей случайно, странным образом сложившейся жизни, придется писать книги, я должен и это делать по такому, постепенно определившемуся от разных самую жизнью созданных экстраординарных комбинаций и слившемуся с каждым атомом моего общего наличия принципу.

Такой мой психо-органический принцип на этот раз начну осуществлять на деле тем, что, вместо того, чтобы следовать спокон веков и по настоящее время установившемуся обыкновению всех писателей, брать темой для своих разных писаний события, которые якобы происходили или происходят на Земле, возьму для своего писания масштабом событий – весь Мир. И в данном случае «брать-так-брать!», то есть «если-кутить-так-кутить-с-пересылкой».

В масштабе Земли может писать каждый писатель, а я ведь не каждый!

Разве я могу ограничиться одной этой нашей в объективном смысле «мизерной-землей»?!

Я этого делать так не должен, то есть делать темой своих писаний то, что берут вообще другие писатели, уже только из-за одного того, что вдруг окажется действительно верным то, о чем утверждают наши ученые спириты и моя бабушка узнает про это. Представляете ли вы себе, что может тогда произойти с ней, с моей милой, дорогой бабушкой?!

Ведь она повернется в своей могиле не один раз, как это обычно говорят, а как я ее понимаю особенно теперь, когда уже как следует «насобачился» входить в положение другого, она повернется много, много раз: так много раз, что, пожалуй, превратится почти в «ирландский-флюгер».

Вы, читатель, пожалуйста не беспокойтесь, я и о Земле тоже конечно буду писать, но писать буду с таким беспристрастным отношением, чтобы как сама эта сравнительно с прочими маленькая планета, так и все на ней находящееся, соответствовали тому месту, какое на самом деле они занимают и должны, согласно даже с вашей здоровой, конечно благодаря моему руководству, логикой, занимать в нашей Великой Вселенной.

Я, конечно, должен в этих своих писаниях разных так называемых «героев» также сделать не такими типами, какими их обрисовывают и как их возвеличивают на Земле писатели всех рангов и эпох, то есть вроде Ивана Ивановича или Петра Петровича, рождающихся по недоразумению и не приобретающих во время процесса оформления к «ответственной-жизни» решительно ничего такого, что подобает иметь Богоподобному возникновению, то есть человеку, а прогрессивно развивающих в себе до последнего своего издыхания только такие разные «прелести», как например: «похотливость», «слюнявость», «влюбчивость», «ехидство», «мягкосердечие», «завистливость» и тому подобные неподобающие человеку пороки.

Я намерен в своих писаниях героями вывести таких типов, которых всякий, как говорится – «хочет-не-хочет», должен будет ощутить всем своим существом как нечто реальное и в отношении которых в каждом читателе неизбежно должны окристаллизовываться данные для представления о том, что они действительно «нечто», а не просто «что-либо-так-себе».

В течение последних недель, когда я еще телом совершенно немощный лежал в постели и мысленно составлял программу моего будущего писания и обдумывал форму и последовательность его изложения, я пока что решил главным героем первой серии моих писаний сделать... знаете кого?... Самого Великого Вельзевула, и это несмотря даже на то, что такой мой выбор может с самого начала вызвать в мышлении большинства читателей такую ассоциацию мыслей, которая в них должна порождать всякие автоматически сопротивляющиеся импульсы от воздействия, непременно оформливающих в психике людей из-за всяких ненормально установившихся условий нашей внешней жизни, той совокупности данных, которые окристаллизовываются вообще в людях особенно благодаря существующей и укоренившейся в их жизни пресловутой, так называемой «религиозной-морали» и, следовательно, в них неизбежно должны будут слагаться данные для необъяснимой враждебности по отношению к моей особе.

Знаете ли что, читатель?

Я все же конечно на тот случай, если вы, несмотря на мое предупреждение, решитесь рискнуть продолжать ознакомливаться с моими последующими писаниями и постараетесь воспринимать их всегда с наличием импульса беспристрастности и понимать самую сущность этих мною предрешенных осветить вопросов, а также имея ввиду ту присущую человеческой психике особенность, что отсутствие сопротивления для восприятия даже и хорошего может происходить исключительно только тогда, когда устанавливается, так сказать – «контакт-обобщенной-откровенности-и-доверия», хочу уже теперь признаться вам откровенно относительно возникших в моем мышлении ассоциаций, осадивших в результате в соответствующей сфере моего сознания то данное, которое подсказало всей моей индивидуальности избрать главным

героем для своих писаний именно такого индивидуума, каким представляется вашему внутреннему взору этот самый господин Вельзевул.

Это я делал не без хитрости.

А хитрость с моей стороны заключается просто в том логическом предположении, что, если я окажу Вельзевулу такое внимание, то Он, в чем я пока не сомневаюсь, всенепременно захочет отблагодарить меня, помогая мне в этих задуманных мною писаниях всеми доступными Ему способами.

Хотя господин Вельзевул и сделан, как говорится, из «другого-теста», но раз Он тоже может думать, а главное, раз Он имеет, как мне давно стало известно благодаря сочинениям знаменитого католического монаха, брата Фулона, «курчавый-хвост», то я, будучи на практике всесторонне убежден, что курчавость никогда не бывает природной, а может получиться только от намеренных разных манипуляций, а также на основании оформившейся в моем сознании от чтения книг по хиромантии «здравой-логики», решил, что господин Вельзевул тоже должен обладать не малой долей тщеславия и потому Ему будет чересчур неудобно не помочь тому, кто будет рекламировать Его имя.

Недаром наш несравненный, общий учитель – Молла Наср-Эддин часто говорит: «Без-смазки-не-только-жить-сносно-но-и-дышать-нигде-нельзя».

А другой земной мудрец, тоже сделавшийся таковым благодаря большой дурости наших людей, по имени Козьма Прутков, про это же самое изрек следующее: «Не-подмажешь-не-поедешь».

Зная это и много других подобных изречений народной мудрости, сложившихся веками в совместной жизни людей, я и решил «подмазать» именно господина Вельзевула, у которого, как всякий понимает, возможностей и знания столько, что хоть отбавляй.

Довольно старина! Шутки в сторону, даже философские. Ты, кажется, благодаря всяким таким отклонениям уже нарушил один из главных принципов, выработанных тобою и положенных в основу предначертанной системы для проведения в жизнь твоей мечты посредством такой новой профессии, которая заключается также в том, чтобы всегда помнить и считаться с фактом ослабления функций мышления современного читателя и не утомлять его восприятиями множества идей в течение короткого времени. К тому же, когда я попросил одного из всегда болтающихся около меня людей, с целью «сподобиться-попасть-в-рай-неприменно-с-сапогами», прочесть мне вслух подряд все, что мною написано в этой вступительной главе, мое то самое, что называется «Я», при участии конечно всех слагавшихся в моей своеобразной психике за период прошлой жизни разнообразных определенных данных, дающих, между прочим, понимание также и психики других разнотипных себеподобных творений, с несомненностью констатировало и осознало, что в общем наличии всякого без исключения читателя неизбежно уже должно благодаря только этой первой главе возникнуть «нечто», автоматически порождающее определенную неприязнь в отношении к моей особе.

Говоря откровенно, не это меня в данный момент беспокоит, а беспокоит тот факт, констатированный также в конце сказанного чтения, что общей совокупностью всего изложенного в этой главе, все мое общее наличие, в котором упомянутое «Я» принимает очень маленькое участие, проявило себя совершенно противно той заповеди нашего всеобщего, мною особенно почитаемого, учителя Молла Наср-Эддина, которая формулирована им словами так: «Никогда-не-суй-палки-в-пчелиный-улей».

Волнение из-за осознания, что в читателе обязательно должна возникнуть в отношении меня неприязнь, охватившее всю систему, осуществляющую мое чувство, сразу успокоилось, как только в моем мышлении вспомнилась древнерусская пословица: «Нет обиды, которая бы со временем не перемололась бы, как всякий злак, в муку».

Но возникшее в той же моей системе волнение от проосознания моей оплошности в смысле манкирования заповедью Молла Наср-Эддина в данный момент всего меня не только

не на шутку беспокоит, но начавшийся в обоих моих, недавно обретенных душах, очень странный процесс, выражающийся в форме необычной чесотки, сразу после того, как я это понял, стал прогрессивно увеличиваться до того, что уже теперь отзывается и производит почти нестерпимую боль в области немного ниже правой половины моего и без того перефункционализовавшегося «плексус-солярис».

Подождите, подождите... Кажется этот процесс тоже прекращается и уже во всех дебрях моего сознания и даже, скажем, пока еще «подсознания» начинает возникать все требуемое для полного уверования в то, что он совсем прекратится, потому что я вспомнил про другую житейскую мудрость, смысл которой навел мое мышление на то соображение, что если я и поступил вопреки совету досточтимого Молла Наср-Эддина, зато я без преднамерения поступил согласно принципа в высокой степени симпатичного и, хотя и не сделавшегося всюду на Земле известным, но никогда не забываемого тем, кто хоть раз встретился с ним, милого самородка – Тифлисского Карапета.

Ничего не поделаешь, – раз эта моя вступительная глава вышла такой длинной, то не будет большой беды, если удлиним ее еще немного рассказом и про обер-симпатичного Тифлисского Карапета.

Прежде всего надо сказать, что лет тридцать или тридцать пять тому назад при тифлисском железнодорожном депо имелся «паровой-гудок».

Каждое утро он гудел для того, чтобы будить железнодорожных рабочих и мастеров депо, а так как тифлиссский вокзал стоит на возвышенном месте, то этот гудок был слышен почти по всему городу, и он будил не только железнодорожных служащих, но и прочих обывателей города Тифлиса.

Мне кажется, по этому поводу тифлисское городское самоуправление даже имело какую-то переписку с железнодорожным начальством относительно беспокойства утреннего сна мирных горожан.

Пускать пар по утрам в этот гудок как раз и лежало на обязанности этого самого Карапета, служившего тогда в этом депо.

И вот, когда он, приходя утром в депо, подходил к веревке, посредством которой пускался пар в гудок, он, прежде чем взяться за веревку и тянуть ее, размахивал руками во все стороны и пресерьезно, на подобие магометанского муллы с минарета, громко кричал:

– Мать ваша такая, отец ваш такой-то, дед ваш перетакой-то; чтобы ваши глаза, уши, нос, селезенка, печенька, мозоли и так далее, и так далее, – словом он произносил на разный лад все ругательные слова, какие только он знал, и уже тогда только тянул веревку.

Когда я узнал про этого Карапета и про его обыкновение, я как-то раз навестил его после, как тогда говорили, «вечернего-шабаша» с небольшим бурдюком кахетинского вина и после выполнения тамошнего, неизбежно требуемого, торжественного «тостового-ритуала», спросил, конечно в соответствующей форме согласно местным, сложным, установленным при взаимном сношении «любезностям», почему он это так делает.

Он, допив залпом свой стакан и пропев один раз знаменитую, тоже неизбежную при выпивке, грузинскую песню – «Мало-жрали-мы», не торопясь начал говорить так:

– Так как вы вино пьете не по-современному, то есть не только для видимости, а на самом деле честно, то это уже по-моему показывает, что вам про это мое обыкновение хочется знать не из любопытства, как нашим инженерам и техникам, а действительно из-за своей любознательности, и поэтому я хочу и даже считаю своим долгом признаться вам откровенно относительно точной причины и о тех моих внутренних так сказать «мнительных-соображениях», которые привели меня к этому и постепенно внедрили во мне такую привычку.

И он рассказал следующее:

– Раньше я работал в этом же депо по ночам в качестве чернорабочего по промывке паровозных котлов, а когда завели здесь такой паровой гудок, начальник депо, приняв очевидно во

внимание мой возраст и мою непригодность для такой тяжелой работы, велел мне заниматься только тем, чтобы приходить точно в определенное время утром и вечером и пускать пар в гудок.

Уже на первой неделе такой моей новой службы я как-то заметил, что после выполнения этой утренней моей обязанности во мне в течение одного-двух часов происходит какая-то странная неловкость.

Когда же, увеличиваясь с каждым днем, эта странная неловкость в конце концов превратилась в определенное инстинктивное беспокойство и от этого исчез у меня аппетит даже на «махоху», то я с тех пор начал почти всегда думать и раздумывать, чтобы отгадать причину этого.

Особенно напряженно думалось об этом почему-то во время моего прихода на службу и ухода домой. Так продолжалось в течение почти шести месяцев, и за все это время как я ни старался – решительно не мог ничего даже приблизительно себе выяснить.

Наконец, когда у меня мозоли на ладонях от веревки парового гудка окончательно затвердели, я вдруг совершенно случайно понял, почему это во мне происходит.

Толчком для правильного моего соображения, в результате вылившегося относительно этого в непоколебимое убеждение, послужило одно восклицание, случайно услышанное мной при следующих довольно оригинальных обстоятельствах.

Раз утром я, не выспавшись, вследствие того, что первую половину ночи засиделся у соседа по случаю крестин его девятой дочери, а во вторую половину зачитался попавшейся мне случайно очень интересной редкой книгой под названием «Сновидения и колдовство», торопливо шел пускать пар и вдруг вижу на углу знакомого фельдшера, служившего при Городской Управе, который делал мне знаки остановиться.

Обязанность этого моего знакомого фельдшера заключалась в том, что он должен был в определенное время ходить по городу в сопровождении одного помощника со специально устроенной повозкой, ловить попадавшихся ему бродячих собак, не имевших на ошейниках металлических блях, выдаваемых Городской Управой об уплате налога, и доставлять таких собак на городскую бойню, где их в течение двух недель держали на городском иждивении, питая отбросами с бойни, а по истечении этого срока, если за это время не объявляются их хозяева и не уплачивают установленного налога, то таких собак с известной торжественностью загоняли в один проход, который вел прямехонько в имевшуюся там специальную печь, а немного погодя с другой стороны этой благотворной знаменательной печи с упоительным журчанием в пользу отцов нашего города вытекало прозрачное и до идеала чистое, определенное количество сала для выделки мыла, и еще может быть для чего-либо другого и сыпалось с не менее упоительным для слуха шелестом не малое количество очень полезных веществ для удобрения.

Ловля таких собак моим приятелем-фельдшером производится следующим, очень простым и ловким до восхищения, приемом.

У него имеется где-то им добытая обыкновенная старая большая сеть для ловли рыбы, которую он во время таких своих для общечеловеческого блага экскурсий по трущобам нашего города носит уже соответственным образом сложенную на своем могучем плече, и, когда попадает в сферу его всевидящего и страшного для всего собачьего рода ока, такая «беспаспортная» собака, он, не торопясь, с мягкостью пантеры подкрадывается ближе к ней, и уловив момент заинтересованности или увлеченности чем-нибудь примеченного им одного из таких своих подданных, набрасывает на него свою сеть и ловко ею опутывает, а потом, подкатив ближе повозку, «распутывает» с таким расчетом, чтобы собака очутилась как раз в самой клетке, приделанной к повозке.

Когда этот мой знакомый фельдшер остановил меня, он как раз прицеливался на свою очередную жертву в ожидании подходящего момента набросить на нее сеть в то время, как она стояла и, виляя хвостом, смотрела на другую собаку-самку.

Только что он хотел это сделать, как вдруг раздался звон колокола соседней церкви, призывающий обывателей к первой утренней молитве.

От такого неожиданно раздавшегося в утренней тишине звука, собака, испугавшись, раньше шарахнулась в сторону, а потом как бешеная бросилась бежать во всю свою собачью прыть вдоль пустой улицы.

Вот тогда-то именно фельдшер, рассерженный всем этим до самых подмышечных волос, швырнул свою сеть на тротуар и, плюнув через свое левое плечо, громко воскликнул: «Эх... черти! Нашли время когда звонить!».

Как только это восклицание фельдшера дошло до моего соображающего аппарата, в нем закопошились разные такие мысли, которые в конце концов и привели к правильному на мой взгляд пониманию, почему именно происходит во мне сказанное инстинктивное беспокойство.

После того, как я это уразумел, во мне в первый момент даже возникло чувство обиды за себя, что в мою голову до этого не могла прийти такая простая и ясная мысль.

Я ощутил всем своим существом, что такое мое воздействие на общественную жизнь не могло не производить на меня иного результата, как то самое ощущение, которое происходило за все это время в моем общем наличии.

И действительно, ведь всякий человек, разбуженный производимым мною шумом парового гудка, нарушающим его подутренний сладкий сон, без всякого сомнения должен ругать меня «на-чем-свет-стоит», именно меня, причину этой происходящей адской какофонии и, без всякого сомнения, благодаря этому со всех сторон к моей особе должны были притекать вибрации всякого рода неприязненных пожеланий.

В то знаменательное утро я, когда после выполнения своей обязанности сидел в обычном за последнее время своем состоянии в соседнем духане и ел «хаши» с чесноком, продолжая раздумывать, пришел к решению, что, если я буду ругать заранее всех, которым может казаться это мое служение для блага некоторых из их среды возмутительным действием, то тогда, согласно объяснениям прочитанной мною книги «Сновидения и колдовство», сколько бы меня не ругали все такие, как их можно назвать, «находящиеся-в-сфере-идиотизма», то есть между сном и подремливанием, это на меня не будет иметь никакого влияния.

И на самом деле, с тех пор как я начал так поступать, во мне не стало ощущаться сказанного инстинктивного беспокойства.

Ну теперь, мой терпеливый читатель, пожалуй, действительно надо на этом кончить эту вступительную главу. Следует только подписать ее.

Тот кого...

Стоп! Недоразуменное оформление! С подписью уже шутить нельзя, а то с тобою опять сделают то же самое, что уже раз проделали в одном из государств Центральной Европы, где тебя принудили заплатить за десять лет за дом, который ты занимал всего три месяца, только за то, что ты собственноручно подписал бумагу, что обязуешься каждый год возобновлять контракт о найме этого дома.

Конечно, после этого и еще множества других подобных случаев из моей житейской практики мне требуется в смысле своей собственной подписи быть на всякий случай очень и очень осторожным.

Ну ладно.

Тот, кого в детстве называли «Татах», совсем еще в молодости – «Черномазый», позже – «Черный-Грек», а в средних летах – «Туркестанский-Тигр», а теперь уже называют «не-кем-нибудь-так-себе», а настоящим «Мосье» или «Мистер» Гурджиев, или племянник «Князя Мухранского», или, наконец, – просто «Учитель-Танцев».

Глава 2

Пролог

Почему Вельзевул был в нашей солнечной системе

Это было в 223-м году по объективному времяисчислению после сотворения Мира, или, как бы сказали на «Земле», в 1921-м году по Рождестве Христовом.

По Вселенной летело судно «междупространственного» сообщения *Карнак*.

Оно летело от пространств «Асупарацата», то есть от пространств «Млечного Пути», с планеты «Каратаз» к солнечной системе «Пандецнох», солнце которой на Земле называется «Полярная звезда».

На упомянутом «междупространственном» судне находился Вельзевул со своими близкими и приближенными.

Он отправлялся на планету «Ревозврадендр», на особое совещание, в котором он согласился принять участие по просьбе своих давнишних приятелей.

Только память старой дружбы заставила его принять это приглашение, так как он уже стар и такой дальний путь и сопряженные с ним неизбежности представляли для его возраста не совсем легкую задачу.

Совсем недавно перед этим самым путешествием Вельзевул вернулся к себе на планету «Каратаз», где он получил свое возникновение и вдали от которой, по независящим лично от его сущности обстоятельствам, он провел многие годы своего существования в несвойственных его природе условиях.

Это долголетнее необычное для него существование и связанные с ним необычные для его натуры восприятия и несвойственные для его сущности переживания не преминули оставить на его общем наличии заметный след.

Кроме того, само время уже должно было состарить его; а сказанные необычные условия существования привели Вельзевула, именно того Вельзевула, который имел когда-то исключительно крепкую, кипучую и красивую молодость, также к необычной старости.

Давно, давно, когда Вельзевул существовал еще у себя на планете «Каратаз», он был, благодаря своей исключительной сообразительности, взят на службу на «Солнце-Абсолют», где имеет основное место своего пребывания наш **ГОСПОДЬ ВЛАДЫКА БЕСКОНЕЧНЫЙ**, и там **ВЕЛЬЗЕВУЛ**, в числе других ему подобных, начал состоять приближенным при **ЕГО БЕСКОНЕЧНОСТИ**.

Вот в это самое время Вельзевул, благодаря своему неоформившемуся еще по молодости его разуму и благодаря молодому, следовательно еще кипучему, своему мышлению с неравномерно текущей ассоциацией, именно мышлению, которое базировалось, как это свойственно существам не ставшим еще окончательно ответственными, на узких понятиях, как-то раз увидел в правлении Миром что-то показавшееся ему «нелогичным» и, найдя поддержку среди своих товарищей, таких же как и он, неоформившихся еще существ, – вмешался не в свое дело.

Из-за бурности и силы натуры Вельзевула, вмешательство его вместе с товарищами тогда скоро полонило все разумы, и все это едва не привело центральное царство Мегалокосмоса к революции.

Узнав об этом, **ЕГО БЕСКОНЕЧНОСТЬ**, несмотря на **ЕГО** многолюбие и всепрощение, был принужден выслать Вельзевула с его товарищами в одну из дальних трущоб Вселенной, а именно, в солнечную систему «Орс», которую тамошние обитатели называют просто «Солнечной системой», и определить местом для их существования одну из планет этой сол-

нечной системы, а именно – планету Марс, с правом существовать и на других планетах, но только этой же солнечной системы.

Тогда в числе таких изгнанных попали, кроме сказанных товарищей Вельзевула, и многие такие, которые просто сочувствовали ему, а также приближенные и подчиненные как Вельзевула, так и его товарищей.

Все они прибыли на эту отдаленную планету со своими чадами и домочадцами и, в течение короткого времени, на планете Марс образовалась целая колония из трехцентровых существ с разных планет центральной части нашей Великой Вселенной.

Все это необычное для этой планеты население понемногу приспособилось к новому месту своего пребывания и многие из них нашли даже кое-какие занятия для коротания долгих годов своего изгнания.

Они нашли занятие, как на этой самой планете Марс, так и на других соседних планетах, именно на планетах почти заброшенных по причине дальности от центра и бедности на них всяких образований.

В течение следующих годов многие из них, по собственной воле, или по нуждам общего характера, понемногу переселялись с планеты Марс на другие планеты, но сам Вельзевул со своими приближенными остался на планете Марс и организовал там более или менее сносно свое существование.

Одним из его главных занятий на Марсе было оборудование обсерватории для обследования дальних концентраций Вселенной и изучение при помощи этой обсерватории условий существенского существования на соседних планетах; эта обсерватория впоследствии стала очень известной и даже сделалась во всей Вселенной знаменитой.

Несмотря на то, что солнечная система «Орс» была как из-за дальности от центра, так и по другим разным причинам в некотором пренебрежении, все же пресвятые космические Индивидуумы окружения нашего **общего отца бесконечного** отправляли время от времени посланников на планеты этой системы с целью так наладить существенское существование возникающих в этой системе трехмозгных существ, чтобы оно соответствовало общей гармонии Вселенной.

И вот, на одну планету этой солнечной системы, а именно на планету «Земля», таким посланником от нашего **бесконечного** был отправлен как-то некий Ашиата Шиешаш. И вследствие того, что Вельзевул относительно его миссии в то время исполнил какую-то необходимость, то, когда упомянутый посланник вернулся опять на «Солнце-Абсолют», он стал горячо умолять его **бесконечность** о даровании прощения этому, когда-то кипучему, молодому, а к тому времени уже состарившемуся Вельзевулу.

Принимая во внимание такую просьбу Ашиата Шиешаш, а также скромное и осознанное существование самого Вельзевула, наш **творец создатель** простил его и позволил ему вернуться обратно на место его возникновения.

Вот почему Вельзевул, после долгого отсутствия, оказался опять в центре Вселенной.

Его влияние и авторитетность за время его ссылки не только не ослабели, но наоборот еще больше укрепились, так как все окружающие стали ясно сознавать, что, благодаря существованию в течение долгих годов в упомянутых необычайных условиях, познания и опыт Вельзевула непременно должны были еще больше расшириться и углубиться.

И когда на одной из планет солнечной системы «Пандецох» произошли события великой важности, старые друзья Вельзевула и решили побеспокоить его и пригласить на совещание относительно этих важных событий.

Вот вследствие этого Вельзевул и отправлялся в такой дальний путь на судне *Карнак* с планеты «Каратаз» на планету «Ревозвращендр».

На этом большом пространственном судне *Карнак* пассажирами состояли как близкие, так и приближенные Вельзевула, а также было много существ, обслуживающих само судно.

В период, к которому относится этот рассказ, все пассажиры были заняты либо своими обязанностями, либо просто осуществляли так называемое «активное-существенское-мышление».

Среди всех пассажиров упомянутого судна выделялся один очень красивый мальчик, который все время находился вблизи самого Вельзевула.

Это был Хассин, сын любимого сына Вельзевула – Тулуфа.

По приезде домой из ссылки Вельзевул, впервые увидев этого своего внука Хассина и оценив его доброе сердце, а также благодаря своему так называемому «фамильному тяготению», сразу полюбил его.

И так как это время как раз совпало со временем, когда нужно было развивать разумность маленького Хассина, Вельзевул, имея там много свободного времени, сам взялся за воспитание внука и начал с этих пор брать Хассина всюду с собой.

Вот почему Хассин сопровождал его и в это большое путешествие и был в числе прочих окружающих его.

Хассин в свою очередь так полюбил дедушку, что не хотел даже ни на шаг отходить от него и жадно воспринимал все, что говорил и чему учил его дед.

В описываемое время Вельзевул с Хассином и своим преданным старым слугой, Ахуном, который всюду всегда его сопровождал, сидели на самом верхнем «каснике», то есть на верхней палубе судна *Карнак* под «кальнокранонисом», представлявшим из себя что-то вроде большого «стеклянного-колокола», и там беседовали между собою, наблюдая в то же время беспредельные дали.

Вельзевул рассказывал о солнечной системе, где он провел долгие годы.

На этот раз Вельзевул рассказывал, какие особенности имеет природа планеты, называемой «Венера».

Среди разговора Вельзевулу доложили, что капитан их судна хочет с ним говорить, на что Вельзевул дал свое согласие.

Глава 3

Причина задержки падения судна Карнак

Немного погодя капитан вошел и, выполнив перед Вельзевулом все соответствующие положению Вельзевула церемонии, сказал:

– Ваше Высокопреподобие, позвольте мне спросить ваше бесспорное мнение касательно одной предстоящей нам на пути нашего следования неизбежности, которая должна будет препятствовать нашему падению по сокращенному пути.

Дело в том, что, следуя по предназначенному пути, наше судно через два «кильпрено» (Слово «кильпрено» на языке Вельзевула означает известный период времени, который приблизительно равняется той долготе течения времени, которую мы называем «час».) будет проходить через солнечную систему «Вуаник».

Как раз через то место, где должно проходить наше судно, приблизительно за один «кильпрено», должна пройти принадлежащая этой солнечной системе большая комета, носящая имя «Сакур».

И вот, если мы будем держаться этого предполагаемого направления, то мы неминуемо должны пересечь пространство, по которому пройдет эта комета.

Между тем, вам, ваше Высокопреподобие, известно, что эта «сумасбродная» комета постоянно распространяет на пути своего следования много «цильнотраго» (Слово «цильнотраго» есть название особого газа, вроде того, что мы называем «синильная кислота».), который, попав в планетное тело существа, расстраивает почти все функции этого тела на то время, пока весь этот «цильнотраго» не улетучится из него.

Я сначала думал, – продолжал капитан, – избежать «цильнотраго», направив наше судно в обход этих сфер, но для этого необходимо сделать очень большой «крюк», что немного удлинило бы время нашего пути, а выждать где-нибудь, пока «цильнотраго» улетучится, – потребует еще больше времени.

Вследствие резкой двойственности предстоящего выбора я теперь и не могу самостоятельно решить, как поступить, и поэтому я осмелился беспокоить вас, ваше Высокопреподобие, чтобы выслушать ваш компетентный совет.

Когда капитан кончил говорить, Вельзевул немного задумался и потом сказал следующее:

– Не знаю, право, как вам посоветовать, мой дорогой капитан. Да, в той солнечной системе, где я долго существовал, имеется одна планета, которая называется «Земля». На этой планете Земля возникли и поныне продолжают возникать очень оригинальные трехцентровые существа, а среди них на одном материке этой планеты, который называется «Азия», возникло и существовало одно очень мудрое трехмозгное существо, которого звали там «Молла-Наср-Эддин».

Этот самый земной мудрец Молла Наср-Эддин – продолжал Вельзевул, – на каждый случай оригинальных положений существования тамошних существ, как на большой, так и на малый, имел точное и очень меткое изречение.

Так как все его изречения были всегда полны истинного смысла для тамошнего существования, то потому и я, во время моего пребывания на этой планете, всегда руководствовался его изречениями, чтобы иметь среди них благополучное существование.

И в данном случае, мой дорогой капитан, я хочу воспользоваться одним из его мудрых изречений.

В подобном случае, который выпал на нашу долю, он, наверное, сказал бы:

«Выше колен не прыгнуть, и бессмысленно пытаться поцеловать свой локоть!».

Теперь и я повторяю вам то же самое и добавляю: ничего не поделаешь, надо покориться, если предвидится случай, исходящий от сил, неизмеримо выше наших.

Теперь вопрос может быть только в том, какой из двух вами упомянутых выходов выбрать, а именно – обождать ли где-нибудь, или сделать лишний «крюк»?

Вы говорите, что сделать «крюк» очень удлинит наш путь, но что ожидание возьмет еще больше времени.

Хорошо, милый капитан. Если мы сделаем «крюк» и этим даже сэкономим немного времени, то, как вы думаете, работа и изнашивание частей машины нашего судна – стоят ли того, что мы прибудем к цели нашего пути немного раньше?

Если такой «крюк» принесет хоть какой-нибудь ущерб нашему судну, надо, по-моему, предпочесть второе ваше предложение, а именно – остановиться где-нибудь, пока очистится путь от этого злоносящего «цильнотраго», чем, по крайней мере, мы поможем нашему судну не получить бесполезного ущерба.

А мы постараемся время этой непредвиденной задержки заполнить чем-нибудь полезным для всех нас.

Например, я лично с большим удовольствием поговорил бы с вами о современных судах вообще, и в частности о нашем судне.

Дело в том, что, за время моего отсутствия из этих мест, в этой области сделано очень много нового и для меня еще совершенно незнакомого.

Скажу для примера, что в мое время такие большие «междупространственные» суда были так сложны и громоздки, что почти половина их сил уходила на то, чтобы тащить на себе нужные материалы для выработки энергии для возможности их движения.

Современные же суда, по своей простоте и свободе на них, представляют из себя что-то прямо-таки «благостокирно».

На них для существ такая простота и свобода всех существенских проявлений, что подчас забывается, что находишься не на какой-либо планете.

Вот, мой дорогой капитан, мне очень хотелось бы знать, каким образом здесь достигли такой благодати и как действуют современные суда?

А теперь, пока, ступайте, сделайте все нужные распоряжения для соответствующей остановки, а потом, когда совсем освободитесь, приходите вновь ко мне и мы проведем время нашей неизбежной задержки в полезных для нас обоих беседах.

Когда капитан ушел, Хассин вдруг вскочил, начал подпрыгивать, хлопать в ладоши и выкрикивать:

– Как я рад, как я рад такому случаю!

Вельзевул любовно посмотрел на эти радостные проявления своего любимца, а старый Ахун не утерпел и, укоризненно покачивая головой, почти про себя назвал мальчика «подрастающим-эгоистом».

Хассин услышал, как назвал его Ахун, и потому, остановившись перед ним и шаловливо смотря на него, сказал:

– Не сердись на меня, добрый Ахун. Причина моей радости не эгоизм, а только случайно счастливое для меня совпадение. Ты слышал? Дорогой дедушка решил не только просто сделать остановку, но обещал капитану и побеседовать.

Ведь ты знаешь, что разговоры дорогого дедушки всегда вызывают рассказы о тех местах, где он бывал, и ты также знаешь, как прекрасно он рассказывает, и что от этих рассказов в наших наличиях окристаллизируется так много новых данных для порождения представлений.

Какой тут эгоизм?! Ведь он сам, по своей доброй воле, взвесив своим мудрым разумом все обстоятельства непредвиденного случая, решил сделать остановку, которая, очевидно, не очень нарушает намеченные им планы.

Мне кажется, моему дорогому дедушке торопиться незачем, к тому же все, что требуется для его покоя и удобства, на *Карнаке* имеется, и здесь также много любящих его и любимых им.

Вспомни, он сказал: «силам выше своих сил не надо сопротивляться», и добавил, что не только не надо сопротивляться, но даже следует покориться и принимать всякие их результаты с благоговением, в то же время благословляя и величая дивные предусмотренные дела господина нашего творца.

Я радуюсь не нашей неудаче, а тому, что явился непредвиденный, исходящий свыше случай, благодаря которому мы будем иметь возможность лишний раз слушать рассказы дорогого дедушки.

Чем я виноват, что эти обстоятельства случайно делаются для меня самыми желательными и радостными!..

Нет, дорогой Ахун, не только не надо меня журить, а следует вместе со мной возносить благодарность источнику всех возникающих, благопроявляющих результатов.

Вельзевул все время слушал внимательно и с улыбкой болтовню своего любимца, и, когда тот кончил, сказал:

– Ты прав, милый Хассин, и за твою правоту я даже до прихода капитана расскажу тебе то, что ты сам пожелаешь.

Услышав это, мальчик сразу подбежал, сел у ног Вельзевула и, немного подумав, спросил:

– Дорогой мой дедушка! Ты так много уже рассказывал мне о той Солнечной системе, в которой ты провел такие долгие годы, что я теперь, пожалуй, даже мог бы логически продолжать описывать детали природы этого своеобразного уголка нашей Вселенной.

Меня теперь интересует уже узнать, обитают ли на планетах этой Солнечной системы трехмозгные существа и облекаются ли в них «высшие-существенские-тела»?

Вот, дорогой дедушка, про это и расскажи мне, пожалуйста, теперь, – смотря с любовью на Вельзевула, окончил Хассин.

– Да, – ответил Вельзевул, – почти на всех планетах этой солнечной системы возникают и обитают трехцентровые существа и почти во всех них могут облекаться «высшие-существенские-тела».

«Высшие-существенские-тела», или, как их на некоторых планетах этой Солнечной системы называют, «души», не облекаются в трехмозгных существах, водящихся на тех только планетах, прежде достижения которых эманация нашего Пресвятейшего «Солнца-Абсолют», вследствие многократного преломления, постепенно теряет полность сил и, в конце концов, вовсе перестает иметь в себе животворящую мощь для облекания высших-существенских-тел.

Конечно, мой мальчик, на каждой из отдельных планет и этой Солнечной системы планетные тела трехмозгных существ образуются и принимают внешность сообразно природе данной планеты и приспособляются в своих деталях к окружающей их природе.

Например, на той планете, на которой мы, все сосланные, имели указание существовать, то есть на планете Марс, трехцентровые существа оформливаются в «планетные-тела», имеющие форму, как бы тебе сказать... форму, похожую на «каруна», то есть они имеют длинное и широкое туловище с громадным запасом жира и голову с огромными, выпуклыми, лучистыми глазами; на спинах своих таких громадных «планетных-тел» они имеют по два больших крыла, а на нижней стороне две сравнительно небольшие ноги с очень сильными когтями.

Почти вся сила такого огромного «планетного-тела» природой приспособлена к выработке энергии для их глаз и для их крыльев.

Благодаря всему вышесказанному трехмозгные существа, водящиеся на этой планете, в состоянии свободно видеть везде, какая бы ни была «клдацахти» («Клдацахти» означает темнота.), а также передвигаться не только по самой планете, но и в атмосфере ее, а некоторые иногда даже ухитряются забираться и за пределы своей атмосферы.

На другой планете, находящейся немного ниже планеты Марс, трехмозгные существа, водящиеся на ней, вследствие больших холодов, обрастают густой и мягкой шерстью.

Внешняя форма этих трехцентровых существ подобна «тусуку», то есть она представляет что-то вроде «двойного шара», один из которых, именно верхний, служит вместилищем главных органов всего «планетного-тела», а другой, нижний шар – вместилищем органов для трансформации «первой-и-второй-существенской-пищи».

В верхнем шаре имеются три наружу выходящие отверстия, из коих два служат для зрения, а третье – для слуха.

А другой, нижний, имеет только два вышеупомянутых отверстия: одно спереди, служащее для принятия «первой-и-второй-существенской-пищи», а второе, сзади – для отбрасывания уже ненужных для организма остатков.

На нижнем шаре укреплены также две сильно-жилистые ноги и на каждой из них имеется по одному отростку, которые для них являются тем, чем для нас наши пальцы.

В этой солнечной системе, мой дорогой мальчик, имеется далее еще одна, совсем маленькая планета, имеющая название «Луна».

Эта оригинальная маленькая планета во время своего движения часто очень приближалась к нашей планете Марс, и я иногда целыми «кильпрено» с большим удовольствием наблюдал через мой «Тескуно» («Тескуано» означает телескоп.) из обсерватории за процессом существования трехмозгных существ этой маленькой планеты.

Существа этой планеты, хотя и имеют очень тщедушное «планетное-тело», но располагают зато «мощным-духом», благодаря которому они обладают исключительной настойчивостью и трудоспособностью.

Внешняя форма их напоминает так называемых больших муравьев, подобно которым они все время копошатся и работают на и внутри своей планеты.

Результаты их постоянной деятельности в настоящее время уже видны на деле.

Между прочим, я как-то констатировал, что в продолжении двух наших годов они как бы «рассверлили» всю свою планету.

Эту работу они принуждены были делать из-за ненормальных местных климатических условий, вызванных тем, что планета эта возникла непредвиденно, и высшими силами не было предусмотрено регулирование климатической гармонии на ней.

«Климат» на этой планете действительно, как говорят, «сумасшедший» и, по своей переменчивости, дал бы много «очков» вперед самым «ретивым-женщинам-истеричкам», существующим на одной планете этой же солнечной системы, про которую я тоже тебе расскажу.

На этой Луне иногда бывает такой мороз, что все замерзает насквозь и существам дышать в открытой ее атмосфере становится совершенно невозможным; а затем, вдруг, господствует на ней такая жара, что в ее атмосфере яйцо запекается в один момент.

Только два коротких периода, а именно перед и после полного оборота ее вокруг своего соседа, другой ближайшей планеты, на этой маленькой оригинальной планете держится такая благодатная погода, что, за несколько оборотов вокруг своей оси, она вся зацветает и дает разные продукты для «первой-существенской-пищи» в количестве, на много раз превышающем общую потребность во время их существования в своем ими приспособленном оригинальном «внутри-планетном» царстве, защищенном от всех несуразностей такого «сумасшедшего», не гармонически изменяющего состояния атмосферы, климата.

Ближайшей к этой маленькой планете является другая, большая планета, которая тоже иногда очень близко подходит к планете Марс и которая называется «Земля».

Сказанная Луна как раз является частью этой планеты Земля, которая в настоящее время и должна постоянно поддерживать ее существование.

На только что упомянутой планете, называющейся «Земля», тоже оформливаются трех-мозгные существа и в них тоже имеются все данные для того, чтобы в них могли облекаться «высшие-существенские-тела».

Но, в смысле «мощности-духа», они совершенно не похожи на существ, водящихся на только что сказанной маленькой планете.

Внешнее облекание существа этой планеты Земля имеют очень похожее на наше, только, во-первых, кожа их немного слизистее нашей, и, во-вторых, они не имеют хвоста, и головы их лишены рогов. Но что самое худшее – это их ноги, а именно – они не имеют копыт. Правда, для защиты от внешних воздействий они придумали так называемую ими «обувь», но эта выдумка очень мало им помогает.

Кроме того, что внешность их не совершенна, и разум-то их является прямо «уникстран-ным»!

«Существенский-разум» их, благодаря очень многим причинам, о которых я, может быть, как-нибудь тоже немного объясню, постепенно переродился и в настоящее время является очень и очень оригинальным и в высшей степени странным.

Еще что-то хотел сказать Вельзевул, но в это время вошел капитан судна и Вельзевул начал говорить с ним, а мальчику обещал про существа планеты Земля рассказать в другой раз.

Обращаясь к капитану, Вельзевул попросил его рассказать, первым делом, кто он, давно ли занимается он капитанством, насколько он любит свое дело, а затем сообщить ему кое-что, выясняющее о деталях современных космических судов.

На это капитан сказал:

– Я, ваше Высокопреподобие, как только начал приближаться к возрасту ответственного существа, был моим отцом сразу предназначен на такое поприще служения нашему **ТВОРЦУ БЕСКОНЕЧНОМУ**.

Начав с самых низких должностей на междупространственных судах, я, в конце концов, заслужил нести обязанности капитана; и вот уже восемь лет, как я состою капитаном на судах дальнего следования.

Последнюю мою должность, а именно должность капитана судна Карнак, я занял, собственно говоря, вместо моего отца, после того как он, за свою долголетнюю безукоризненную службу у **ЕГО БЕСКОНЕЧНОСТИ**, где он нес капитанские обязанности почти с самого начала Мироздания, сподобился получить должность правителя солнечной системы «Кальман».

Короче говоря, – продолжал капитан, – я начал свою службу именно тогда, когда вы, ваше Высокопреподобие, отправлялись к месту своей ссылки.

Я тогда был еще только «подметальщиком» на тогдашних судах дальнего следования.

Да... много, много времени прошло!

С тех пор все изменилось и изменено; неизменным остался только господь **НАШ ВЛАДЫКА**. Да будет благословение «Аменцано» над **ЕГО НЕИЗМЕННОСТЬЮ** во веки веков!

Вы, ваше Высокопреподобие, давеча справедливо изволили заметить, что прежние суда были очень неудобны и громоздки.

Да, действительно, они тогда были очень сложны и громоздки. Я помню их тоже очень хорошо. Громадная разница между тогдашними и теперешними.

В нашей молодости все подобные суда, как для междусистемных, так и междупланетных сообщений, приводились в движение еще с помощью космического вещества «Элекильпомаг-тистцен», то есть совокупностью, состоящей из двух отдельных частей «Вездесущего-Окида-нох».

Для получения этой совокупности веществ и требовались те многочисленные материалы, какие должны были таскать на себе прежние суда.

Такие суда после вашего отлета из этих мест просуществовали недолго и скоро были заменены судами системы святого Венома.

Глава 4

Закон падения

Это случилось по объективному времяисчислению в 185 году.

Святой Венома по своим заслугам был взят с планеты «Сурт» на святую планету «Чистилице» и там, после того как освоился с новой обстановкой и с новыми обязанностями, начал все свободное время отдавать своему любимому делу.

А любимым делом его было искать, какие именно новые явления могут быть найдены в разных комбинациях уже существующих закономерных явлений.

Через некоторое время во время таких занятий этот святой Венома констатировал в космических законах то, что впоследствии стало знаменитым открытием, и это открытие он же, впервые, назвал «законом-падения».

Этот тогда узанный им космический закон сам святой Венома формулировал следующим образом:

«Все существующее в Море падает вниз. Низом же для каждой части Вселенной является самая близкая к ней „устойчивость“, а этой самой устойчивостью является то место или та точка, к которой направлены все линии сил, приходящие со всех направлений.

Таковыми точками устойчивости являются центры всех солнц и всех планет нашей Вселенной. Они и являются «низами» той области пространства, куда определенно устремляются силы со всех направлений данной части Вселенной и где они концентрируются. В этих точках сконцентрировано также равновесие, дающее солнцам и планетам возможность держаться на местах своих находений».

Дальше в этой своей формулировке святой Венома говорил, что всякая опущенная в пространство вещь, где бы она ни находилась, будет стремиться падать на то или другое солнце или на ту или другую планету, смотря по тому, к какому солнцу или к какой планете принадлежит данная часть пространства, где эта вещь будет опущена, потому что каждое такое солнце или планета будет являться для данной сферы «устойчивостью» или «низом».

Исходя из этого, святой Венома, во время дальнейших своих изысканий, рассудил следующее:

«Если это так, то нельзя ли эту космическую особенность использовать для необходимого нам передвижения между пространствами Вселенной?».

И с тех пор он начал работать в этом направлении.

Дальнейшие его святые труды показали, что хотя это вообще в принципе и возможно, но что использовать полностью этот, им впервые узанный, «закон-падения» для такой цели будет почти невозможно. А будет невозможно, только благодаря имеющимся вокруг почти всех космических сосредоточений атмосферам, которые будут препятствовать падению по прямой линии того предмета, который будет опущен в пространство.

После такого констатирования, святой Венома все свое внимание отдал на то, чтобы найти какую-нибудь возможность уничтожить сказанное сопротивление атмосфер для судов, построенных на принципе падения.

После трех «луниасов» святой Венома нашел и такую возможность и, после того, как под его руководством была окончена постройка соответствующего специального сооружения, – он приступил к практическим опытам.

Это специальное сооружение имело вид большого помещения, все стены которого были сделаны из особого материала, похожего на стекло.

Со всех сторон этого большого помещения приделаны были нечто вроде «ставней» из материала, не пропускающего лучи космического вещества «Элекильпомагистцен», которые,

хотя и плотно прилегали к стенкам сказанного помещения, но могли свободно раздвигаться по всем направлениям.

В этом помещении была поставлена особая «батарея», вырабатывающая и дающая это самое вещество «Элекильпомагтистен».

Я сам, ваше Высокопреподобие, присутствовал на первых опытах, производившихся святым Веном по найденным им принципам.

Весь секрет состоял в том, что если через особые стекла пропускались лучи «элекильпомагтистен», то во всем пространстве, куда они падали, уничтожалось все, из чего обыкновенно состоят сами атмосферы планет, как-то «воздух», всевозможные «газы», «туманы» и тому подобное. Эта часть пространства делалась, действительно, абсолютно пустой и не имела никакого ни сопротивления, ни движения, так что, если бы даже только недавно возникшее существо толкало это громадное сооружение, оно подалось бы вперед, как перышко.

С внешних сторон этого странного помещения были приделаны крылоподобные приспособления, которые приводились в движение посредством того же вещества «элекильпомагтистен» и служили для того, чтобы дать толчок всему этому громадному сооружению для движения в требуемом направлении.

Проверочной комиссией под председательством Архангела Адоссия результаты этих опытов были поощрены и благословлены, после чего и было приступлено к постройке на этих принципах большого судна.

Скоро судно было готово и пущено в дело; и через несколько времени постепенно по всем линиям междусистемных сообщений стали ходить суда только этого типа.

Хотя в дальнейшем, ваше Высокопреподобие, мало-помалу выяснялись все большие и большие неудобства и этой системы, но она все же продолжала вытеснять все до того существовавшие системы.

Слов нет, хотя суда, построенные по этой системе, были действительно в безатмосферных пространствах безукоризненны и двигались там почти со скоростью «этцикольнионахных» лучей, исходящих из планет, но при приближении к какому-нибудь солнцу или планете с ними было для руководящих ими существ настоящее мучение, так как требовалось очень много сложных маневров.

Причиной таких маневров был все тот же «закон-падения».

Дело в том, что когда судно попадало в среду атмосфер какого-нибудь солнца или планеты, мимо которых оно должно было пройти, оно сразу начинало падать на эти солнца или планеты и, как я вам уже докладывал, требовалось очень много внимания и больших знаний, чтобы удержать судно от падения не по своему пути.

В периоды прохождения тех судов мимо каких-либо солнц или планет было необходимо скорость их движения уменьшать иногда в сотни раз против обыкновенного.

Особенно трудно было управлять ими в тех сферах, где было большое скопление «комет».

Вот почему тогда к существам, которые должны были управлять такими судами, предъявлялись большие требования и они подготавливались для этих своих обязанностей существами с очень высоким разумом.

Но, несмотря на упомянутые недостатки, тем не менее, как я вам уже докладывал, до этого существовавшие системы все больше и больше заменялись системой святого Венома.

Суда системы святого Венома существовали уже 23 года, когда, впервые, распространился слух, что Архангел Харитон изобрел новый тип судна для междусистемных и междупланетных сообщений.

Глава 5

Система Архангела Харитона

Вскоре после появления этого слуха, действительно, опять под наблюдением Великого Архангела Адоссия, начались общедоступные практические опыты над этим новым, впоследствии столь великим, изобретением.

Эта новая система была единогласно признана самой лучшей. Ее очень скоро применили для общевселенского пользования, и тем постепенно всюду с корнем уничтожились все до того существовавшие системы.

И поныне эта система великого Ангела, ныне уже Архангела, Харитона применяется везде и всюду.

Наше судно, на котором мы сейчас летим, тоже принадлежит к этой же системе и устройство его подобно всем судам системы Ангела Харитона.

Система эта очень не сложна.

Все это великое изобретение заключается в одном только «цилиндре», имеющем форму обыкновенной бочки.

Секрет этого цилиндра заключается в расположении материалов, из которых сделана его внутренняя сторона.

Материалы эти расположены в известном порядке и изолированы один от другого посредством «янтаря» и имеют такое свойство, что, если в пространство, которое они окружают, попадает какое бы то ни было космическое газообразное вещество, будь это «атмосфера», «воздух», «эфир» или какие-либо другие «совокупности» однородных космических элементов – они, благодаря упомянутому расположению материалов внутри цилиндра, немедленно расширяются.

Этот «цилиндр-бочка» имеет наглухо закрытое дно; а крышка его, хотя тоже может быть плотно закрываема, но так приспособлена на петлях, что при давлении изнутри может открываться и вновь закрываться.

И вот, ваше Высокопреподобие, если этот «цилиндр-бочка» наполняется атмосферой, воздухом или какими-либо другими подобными веществами, то эти вещества от действия стенок этого оригинального «цилиндра-бочки» так сильно расширяются, что им этого помещения становится уже недостаточно.

Стремясь найти выход из этого тесного для них помещения, они толкают, конечно, также крышку «цилиндра-бочки» и, благодаря упомянутым петлям, эта «крышка» открывается и, пропустив эти расширившиеся вещества наружу, опять моментально захлопывается. И, вследствие того, что природа вообще не терпит никакой пустоты, одновременно с выходом расширившихся газообразных веществ, «цилиндр-бочка» наполняется опять из пространства свежими веществами, с которыми происходит в свою очередь то же самое, что и с предыдущими, и так далее без конца.

Таким образом эти вещества меняются все время и крышка «цилиндра-бочки» то открывается, то закрывается.

К этой самой крышке приделан очень несложный рычаг,двигающийся от движения крышки и, в свою очередь, приводящий в движение некоторые, тоже очень несложные «шестерни», а те в свою очередь вертят приделанные по бокам и сзади самого судна опашала.

Таким образом, ваше Высокопреподобие, современные суда, подобные нашему, в пространствах, где нет никакого сопротивления, просто падают вниз к ближайшей «устойчивости», а в тех пространствах, где имеются какие-нибудь космические вещества, оказывающие

сопротивление, эти вещества, какой бы плотности они ни были, благодаря этому «цилиндру» способствуют движению судна в любом направлении.

Интересно заметить, что чем плотнее имеющиеся в данной части Вселенной вещества-элементы, тем лучше и сильнее происходит заряд и разряд этого «цилиндра-бочки», и, конечно, от этого изменяется также сила движения рычагов.

Но все же – повторяю, безатмосферная сфера, то есть пространство, где имеется только мировой «Эфирнокрильно», является и для современных судов самой лучшей, потому что такая сфера не имеет никакого сопротивления и, следовательно, в ней «закон-падения» может быть полностью использован без всякого содействия работы цилиндра.

Кроме всего этого, современные суда хороши еще тем, что в них самих имеются также такие возможности, что в безатмосферных пространствах им могут даваться толчки в любом направлении и что они могут падать именно туда, куда желательно, чего с судами системы святого Венома нельзя было делать без очень сложных манипуляций.

Словом, ваше Высокопреподобие, удобство и простоту современных судов невозможно сравнить с прежними, подчас очень сложными и вместе с тем не имевшими таких возможностей, какие имеют суда, которыми мы теперь пользуемся.

Глава 6

«Перпетуум-мобиле»

– Пойдите!! пойдите!! – так прервал Вельзевул капитана. – Ведь то, о чем только что вы рассказали, это и есть та именно эфемерная идея, которую трехмозгные странные существа, водящиеся на планете Земля, называли «перпетуум-мобиле», и из-за которой в один период там очень многие из них уже совсем, как они же говорят, «сошли с ума» и многие даже совсем погибли.

Дело в том, что там, на этой злосчастной планете, когда-то, каким-то образом, кому-то пришла в голову, как они выражаются, – «сумасбродная мысль» о том, что они могут создать такой «механизм», который всегда работал бы, не требуя никакого постороннего материала для своей работы.

И эта идея там так понравилась, что почти все чудаки той оригинальной планеты начали думать и даже пытаться осуществлять на деле такое «чудо».

Как много из них тогда заплатили за эту эфемерную идею своими, с большими трудностями до этого приобретенными, материальными и духовными благами!..

Каждому из них тогда, по разным причинам, хотелось непременно «изобрести» этот, по их мнению, – «пустяк».

Многие из них, если только им позволяли внешние условия, занимались изобретением этого «перпетуум-мобиле», несмотря на то что не имели никаких внутренних для такого дела данных; одни, надеясь на свои «знания», другие – на случай; большинство же занималось этим, благодаря своему уже окончательному психопатизму.

Словом, изобретать «перпетуум-мобиле» было, как они говорят, «модой» и всякому из тамошних комиков непременно вменялось интересоваться этим вопросом.

Я был как-то там в одном из городов, где были собраны все возможные «модели» и бесчисленные «описания» предполагаемых «механизмов» для такого «перпетуум-мобиле».

Чего, чего там только ни было! Какие я видел там «мудреные» и сложные машины!! В любом из виденных мною «механизмов» было, пожалуй, больше идей и «мудрствований», чем во всех законах Мироздания и Миросуществования.

Как я тогда заметил, среди этих бесчисленных, разнообразных моделей и описаний предполагаемых механизмов преобладала идея применения так называемой «силы-тяжести». Эта идея применения «силы-тяжести» у них выражается в том, что чрезвычайно сложный механизм должен был поднимать «некую» тяжесть, а эта последняя должна была падать и своим падением приводить в движение весь этот «механизм» с тем, чтобы его движение опять поднимало эту тяжесть и так далее, и так далее.

Результатом всего этого было то, что тысячи из этих несчастных были заперты в «сумасшедшие дома»; тысячи других, построив тогда свои мечты на этой идее, начали уже и те свои существенские обязанности, которые были установлены там кое-как в течение многих лет, или вовсе не исполнять, или стали исполнять их уже совершенно «из-рук-вон» плохо.

Я не знаю, чем бы все это кончилось, если бы одно тамошнее совсем одуревшее, уже отжившее существо, каких они сами называют «старик», который из-за какого-то выкинутого им «коленца» был признан, как это у них всегда бывает, крупным авторитетом, одним ему одному известным «вычислением» не доказал, что изобрести такой «перпетуум-мобиле» совершенно невозможно.

После вашего объяснения я теперь очень хорошо понимаю, как работает «цилиндр» системы Архангела Харитона; это и есть как раз то самое, о чем мечтали там эти несчастные.

Действительно, про «цилиндр» системы Архангела Харитона смело можно сказать, что он будет работать всегда без остановки и без затраты какого бы то ни было постороннего материала, при наличии одной атмосферы.

А так как мир без планет и следовательно без атмосфер существовать не может, – то, значит, пока существует мир и следовательно атмосферы, «цилиндр-бочка», изобретенный великим Архангелом Харитоном, будет всегда работать.

Теперь лично у меня возникает вопрос только относительно материала, из которого сделан этот «цилиндр-бочка».

Я вас очень прошу, мой дорогой капитан, объяснить мне приблизительно, из каких материалов он сделан и насколько долго материалы эти могут продержаться? – спросил Вельзевул.

На такой вопрос Вельзевула капитан ответил следующее:

– Хотя этот «цилиндр-бочка» не вечен, но во всяком случае он может продержаться очень долгое время.

Основная часть его «янтарная» с «платиновыми» обручами, а внутренние полосы его стенок сделаны из «каменного угля», «меди», «слоновой кости» и одной очень стойкой «мастики», которая не боится ни «пейщакир» («Пейщакир» означает холод.), ни «тейнолер» («Тейнолер» означает тепло.), ни «салякуриапа» («Салякуриапа» означает вода.), ни даже излучаемости космических сосредоточений.

А другие части, – продолжал капитан, – как внешние «рычаги», так и «шестерни», время от времени, конечно, надо обновлять, так как они хотя и сделаны из самого крепкого металла, но от долгого употребления все же могут изнашиваться.

Что же касается самого корпуса судна, – ручаться за долгое его существование, конечно, нельзя.

Еще что-то хотел сказать капитан, но в это время по всему судну разнесся звук на подобие издали приходящих колебаний длинного минорного аккорда оркестра из духовых инструментов.

Капитан, прося его извинить, встал и на ходу объяснил, что это требуют его и, наверно, по очень важному делу, так как все знают, что он находится у Его Высокопреподобия, и никто не осмелился бы беспокоить слух Его Высокопреподобия из-за маловажных дел.

Глава 7

Осознание настоящего существенного долга

После ухода капитана Вельзевул посмотрел на своего внука и, заметив необычайное состояние последнего, с беспокойством заботливо спросил:

– Что с тобою, мой дорогой мальчик?! О чем ты так сильно задумался?

Хассин, подняв на своего деда глаза, полные грусти, задумчиво сказал:

– Не знаю, что со мной, мой добрый дедушка, только твой разговор с капитаном судна навел мои мысли на очень печальные думы.

Во мне в данный момент думается о таких вещах, о которых я прежде никогда не думал.

Благодаря вашему разговору в моем сознании постепенно стало очень ясно то, что по всей Вселенной нашего **БЕСКОНЕЧНОГО** не все было всегда таким, каким я теперь это вижу и понимаю.

Раньше я, например, никогда не позволил бы себе поверить, если бы даже во мне ассоциировалась такая мысль, что это судно, на котором мы летим, когда-то было не таким, каким оно является в данный момент. Только теперь я уже очень ясно понимаю, что все то, чем мы в настоящее время обладаем и чем мы пользуемся, словом, все современные удобства и все необходимое для этого нашего удобства и благополучия не всегда существовали и не так просто появлялись.

Оказывается, каким-то существам прошедших времен надо было для этого в течение очень долгого времени положить очень много трудов и страданий и переносить очень много такого, чего, может быть, они могли бы и не переносить.

Они трудились и страдали только для того, чтобы мы теперь все это имели и пользовались им для нашего благополучия.

И все это или сознательно или несознательно они делали для нас, именно для существ, им совсем неведомых и совершенно для них безразличных.

А мы теперь не только их не благодарим, но даже совершенно ничего не знаем о них, и все это мы считаем в порядке вещей и над этим вопросом мы не задумываемся и о нем не беспокоимся.

Например, я столько уже лет существую во Вселенной, а мне никогда и в голову не приходила мысль, что, может быть, было время, когда всего того, что я вижу и имею, не существовало, и что это все не родилось вместе со мною, как родился вместе со мною мой нос.

И вот, дорогой и добрый мой дедушка... Теперь, когда, благодаря вашему разговору с капитаном, я всем своим наличием начал постепенно сознавать про все это, во мне параллельно с этим возникла потребность выяснить моему разуму о том именно, за что лично я имею все те удобства, которыми я в настоящее время пользуюсь, и какие за это на меня возлагаются обязанности.

Вот из-за этого самого в настоящее время и происходит во мне «процесс-угрызения».

Сказав это, Хассин понурил голову и замолчал, а Вельзевул, смотря на него с любовью, начал говорить следующее:

– Советую тебе, мой дорогой Хассин, еще не задаваться такими вопросами. Ты повреди пока. Только лишь тогда, когда настанет надлежащий период твоего существования для осознания таких сущностных вопросов и ты будешь активно размышлять о них, – ты поймешь, что ты за это должен делать.

Твой теперешний возраст еще не обязывает тебя расплачиваться за твое существование.

Время этого нынешнего твоего возраста дано не для расплаты за существование, а для подготовки себя для будущего к подобающим обязанностям ответственного трехмозгового существа.

И потому ты пока существуй, как тебе существуется.

Не забывай только одного, что в твоем возрасте всенепременно необходимо всегда при восходе солнца, глядя на отблеск его сияния, устанавливать между своим сознанием и разными несознательными частями твоего общего наличия контактность и, поддерживая такое состояние, думать и убеждать эти свои несознательные части, как будто они сознательные, в том, что если они будут в процессе обычного существования препятствовать общей функционизации, то в период ответственного возраста не только они не будут пользоваться присущими им закономерными благами, но и общее наличие, в которое они входят лишь как частицы, не будет в состоянии подобающе стать хорошим слугой нашему общему творцу бесконечному и этим самым достойно расплатиться за свое возникновение и существование.

Повторяю еще раз, мой дорогой мальчик, старайся пока не думать о таких вопросах, о которых тебе еще рано думать.

Все придет в свое время.

Теперь спроси меня о чем ты хочешь, и я расскажу тебе.

Если до сих пор капитан не вернулся, очевидно он там занялся своими обязанностями и возвратится еще не скоро.

Глава 8

Нахал-мальчишка Хассин, внук Вельзевула, дерзнул назвать людей «слизняками»

Хассин моментально уселся у ног Вельзевула и ласково сказал:

– Расскажи, дорогой дедушка, что ты сам пожелаешь. Все, что ты ни расскажешь, будет для меня самой большой радостью, уже только потому, что будешь рассказывать именно ты.

– Нет, – возразил Вельзевул, – спроси сам, что тебя больше всего интересует. Мне доставит в данный момент большое удовольствие рассказывать тебе именно о том, о чем тебе особенно хочется знать.

– Дорогой и милый дедушка, расскажи тогда что-нибудь о тех... как их?.. Я забыл!! да... о «слизнях».

– Что? О каких «слизнях»? – спросил Вельзевул, не поняв вопроса мальчика.

– Помнишь, дедушка, – ответил Хассин, – недавно, когда ты рассказывал о трехмозговых существах, водящихся на разных планетах той солнечной системы, в которой ты существовал так долго, ты, между прочим, говорил, что на одной планете... забыл, как ты ее назвал, что на этой самой планете существуют трехцентровые существа, которые в общем походят на нас, но что кожа их немного слизистее нашей.

– Аааа!.. – засмеялся Вельзевул, – ты, наверно, спрашиваешь о тех существах, которые водятся на планете Земля и которые себя называют «людьми».

– Да! дедушка, да!.. об этих самых «существах-людях» и расскажи немного подробнее; мне хочется знать о них побольше, – закончил Хассин.

Тогда Вельзевул сказал:

– О них я мог бы рассказать очень много, так как я часто бывал на этой планете и подолгу существовал среди них и со многими этими земными трехмозговыми существами даже дружил.

Побольше знать о них, действительно, очень интересно, так как они очень оригинальны.

У них есть многое такое, чего не увидишь ни у каких других существ, ни на какой другой планете нашей Вселенной.

Я знаю их очень хорошо, так как их возникновение и дальнейшее завершение и существование в течение многих, очень многих веков по их времяисчислению протекли на моих глазах.

И не только возникновение их самих произошло на моих глазах, но даже и завершительное оформливание самой планеты, на которой они возникают и существуют, произошло при мне.

Когда мы впервые прибыли на эту солнечную систему и обосновались на планете Марс, на этой планете Земля ничего еще не было и она не успела даже еще окончательно остыть после своей концентрации.

Эта самая планета еще с самого начала стала причиной многих больших забот для нашего бесконечного.

Если хочешь, я расскажу тебе сначала о том, какие события общекоσμического характера, связанные с этой планетой, послужили причиной упомянутых забот нашего **БЕСКО-НЕЧНОГО**».

– Да, мой милый дедушка, расскажи сначала об этом; наверно и это будет так же очень интересно, как и все рассказываемое тобой.

Глава 9

Причина возникновения Луны

Вельзевул начал свой рассказ так:

– Когда мы прибыли на планету Марс, на которой нам и было указано существовать, мы начали там понемногу устраиваться.

Мы были еще всецело поглощены хлопотами по организации всего внешне необходимого для более или менее сносного существования среди той, совершенно чуждой нам, природы, как вдруг, в один из самых хлопотливых дней, вся планета Марс сотряслась и немного погодя повсюду распространился такой «одуряющий» запах, что первое время нам показалось будто во Вселенной все смешалось с чем то, как бы сказать, «невыразимым».

Только по прошествии значительного времени, когда упомянутый запах улетучился и мы пришли в себя и стали постепенно разбираться в том, что произошло, мы поняли, что причиной такого ужасного явления была именно эта самая планета Земля, которая временами подходила очень близко к нашей планете Марс и которую мы поэтому имели возможность иногда наблюдать ясно даже без «Тескуано».

Как оказалось, по причинам, которые мы не могли еще себе объяснить, планета эта «лопнула», и два отделившихся от нее куска отлетели в пространство.

Я тебе уже говорил, что эта солнечная система в то время еще только образовывалась и не совсем еще «слилась» с так называемой «гармонией-взаимного-поддерживания-всех-космических-сосредоточий».

Позже выяснилось, что, согласно сказанной «общекосмической-гармонии-взаимного-поддерживания-всех-космических-сосредоточий», в этой системе должна была функционировать также одна комета так называемого «большого-круга», которая и поныне существует под названием «Комета-Кондур».

Вот эта самая комета, хотя и была в то время уже «сконцентрирована», осуществляла свой «совершенный путь» еще впервые.

Как нам тоже позже объяснили по секрету компетентные священные Индивидуумы, линия пути сказанной кометы должна была скрещиваться с линией, по которой пролегал путь и этой планеты Земля. И вследствие ошибочного вычисления какого-то священного Индивидуума, специалиста по делам Мироздания и Мироподдержания, время прохождения через точку пересечений линий путей этих обоих сосредоточений совпало, и, вследствие этой ошибки, планета Земля и комета Кондур столкнулись и столкнулись так сильно, что от этого удара, как я уже сказал, от планеты Земля откололись два больших куса и полетели в пространство.

Этот удар повлек за собою такие серьезные последствия, потому что, из-за недавнего возникновения этой планеты, на ней еще не успела вполне оформиться атмосфера, которая в подобном случае могла бы послужить как бы буфером.

И вот, мой мальчик, об этом общекосмическом несчастье был немедленно извещен и наш бесконечный.

Вследствие такого донесения, с Пресвятейшего Солнца-Абсолют немедленно и была отправлена в эту солнечную систему «Орс» целая комиссия, состоявшая из Ангелов и Архангелов – специалистов по делам Мироздания и Мироподдержания – под общим руководством превеликого Архангела Саккакия.

Эта Превеликая Комиссия прибыла на нашу планету Марс ввиду близости ее к планете Земля, и с этой нашей планеты и начала делать свои расследования.

Священные члены этой Превеликой Комиссии тогда нас сразу успокоили, сказав, что опасность ожидавшегося несчастья большого космического масштаба уже миновала.

А Архиинженер Архангел Алгематант был так добр и лично объяснил нам, что, по всей вероятности, произошло следующее:

«Отделившиеся от планеты Земля куски полученную ими от удара инерцию потеряли, прежде чем перелетели границу той части пространства, которая является сферой этой планеты, и потому, согласно „закону-падения“, эти куски стали падать обратно к основному куску.

Но упасть на этот свой основной кусок они уже больше не могли, потому что они за это время успели подпасть и окончательно подчиниться влиянию космического закона, называемого „закон-догоняния“, и теперь они будут в отношении своего основного куска делать правильные эллиптические круги, точно так же, как основной кусок, то есть планета Земля, совершала и совершает таковые вокруг своего солнца «Орс».

И это будет продолжаться все время, если какое-нибудь новое, непредвиденное несчастье большого масштаба не изменит этого, в том или другом смысле.

Слава-случаю!.. – закончил Его Пантаразмерность, – Гармоническое общесистемное движение от всего этого не нарушилось, и мирное существование этой системы «Орс» скоро опять восстановилось».

Но все же, мой мальчик, тогда эта Превеликая Комиссия, приняв во внимание все данные, как имеющиеся налицо, так и могущие явиться в будущем, нашла, что хотя куски планеты Земля пока и могут временно удерживаться в настоящем своем положении, но что в будущем они могут, ввиду каких-то ими предполагаемых, так называемых «тастартунарных-перемещений», выйти из этого положения и наделать массу неисправимых бед, как для самой системы «Орс», так и для других соседних солнечных систем.

Поэтому Превеликая Комиссия решила во избежание этого принять, на всякий случай, заранее некоторые меры и признала, что самой лучшей в данном случае мерой было бы, чтобы основной кусок, то есть планета Земля, постоянно посылала своим отделившимся кускам, для поддержки их священные вибрации «Аскокина».

Это священное вещество на планетах может образовываться только в том случае, если оба имеющиеся в данной планете основные космические законы – священный «Эптапарапаршинох» и священный «Триамазикамно» – будут функционировать, так называемое «Ильносопарно», то есть когда упомянутые священные космические законы в данном космическом сосредоточении будут преломляться и проявляться также и на ее поверхности самостоятельно, но, конечно, самостоятельно только в известных пределах.

И вот, мой мальчик...

Ввиду того, что подобное космическое осуществление возможно только с соизволения **ЕГО БЕСКОНЕЧНОСТИ**, то великий Архангел Саккакий, в сопровождении некоторых других священных членов этой Превеликой Комиссии, немедленно отправился к **ЕГО БЕСКОНЕЧНОСТИ**, чтобы упросить **ЕГО** дать упомянутое соизволение.

И после того, когда упомянутые священные Индивидуумы испросили у бесконечного соизволения на осуществление на этой планете «Ильносопарного-процесса», и когда такой процесс был осуществлен под руководством того же великого Архангела Саккакия, то с тех пор и на этой планете, как и на многих других, начало возникать «соответствующее-Ильносопарно», благодаря чему сказанные отколовшиеся куски существуют и поныне, не являясь угрозой для несчастья большого масштаба.

Один из этих двух кусков, а именно больший, тогда именовался «Лундерперцо», а малый «Анулиос», и вначале их так и называли обыкновенные трехмозгные существа, возникшие позже на этой планете; но существа позднейших времен в разные периоды называли их различно, причем в самые поздние периоды большой кусок стали называть «Луна», а наименование малого куска постепенно стали забывать. А что касается существ настоящего времени,

то они уже не только никак этот маленький кусок не называют, но даже не подозревают о его существовании.

Интересно кстати отметить, что существа одного материка этой планеты, называвшегося «Атлантида» и впоследствии погибшего, знали еще про этот второй кусок своей планеты и тоже называли его «Анулиос», а существа последнего периода того же материка, у которых стали окри-сталлизовываться и делаться частью общего их наличия результаты последствий свойств того, так называемого, «органа-Кундабуфера», о котором, мне уже кажется, придется объяснить тебе очень подробно, стали называть его также и «Кимезпай», смысл какого названия тогда означал – «никогда-не-дающий-спокойно-спать».

Современные трехмозгные существа этой странной планеты не знают про этот бывший ее кусок главным образом потому, что сравнительно небольшая его величина и отдаленность места его движения делают его для их зрения совершенно невидимым, и еще потому, что «никакая бабушка» им не сказала, что в старину знавали и про такой маленький «спутник» их планеты.

А если, случайно, кто-нибудь из них его и видит через свою, хотя и хорошую, но все же «детскую игрушку», так называемую «подзорная труба», то он своего внимания на нем не останавливает, принимая его просто за большой «аэролит».

Современные существа, пожалуй, его больше и не увидят, так как их натуре уже стало совсем свойственно видеть только недействительность.

Надо отдать им справедливость, они, действительно, за последние века артистически уже намеханизировались не видеть ничего действительного.

Итак, мой мальчик, благодаря вышесказанному, и на этой планете Земля прежде всего начали возникать, как это и должно быть так называемые «подобия-всего-целого», или, как еще говорят, «Микрокосмосы», и дальше из этих Микрокосмосов начала образовываться так называемая «Одюристольная» и «Полормедехтическая» растительность.

Еще далее, как это тоже обыкновенно происходит, из тех же Микрокосмосов начали также группироваться разные формы так называемых «Тетартокосмосов» для всех трех системностей мозгов.

В числе последних тогда впервые и возникли такие двуногие Тетартокосмосы, которых ты недавно назвал «слизняками».

О том же, почему и каким образом на планетах при переходе основных священных законов в «Ильносопарные» возникают «подобия-всего-целого», а также о том, какие факторы являются способствующими для оформливания той или другой так называемой «системности-существенских-мозгов» и вообще относительно всех законов Миросоздания и Миросуществования, я объясню тебе специально как-нибудь в другой раз.

А пока знай, что эти заинтересовавшие тебя трехмозгные существа, возникающие на планете Земля, сначала имели в себе такие же возможности для усовершенствования функций для приобретения существенской разумности, какие вообще имеют везде возникающие во всей Вселенной «Тетартокосмосы».

Но позднее, как раз в тот самый период, когда и они, как это происходит на прочих подобных планетах нашей Великой Вселенной, начали постепенно одухотворяться так называемым «существенским-инстинктом», вот тогда и стряслось, к их несчастью, Свыше непредвиденное, прискорбное для них недоразумение.

Глава 10

Почему «люди» – не люди

Вельзевул глубоко вздохнул и продолжал рассказывать следующее:

– После осуществления на этой планете «Ильносопарного-процесса» прошел по объективному времяисчислению один год.

В течение этого периода и на этой планете постепенно начинали уже налаживаться соответствующие процессы инволюции и эволюции всего там возникающего.

Начали, конечно также постепенно, окристаллизовываться и в трехмозгных тамошних существах соответствующие данные для приобретения ими объективной разумности.

Короче говоря, в это время и на этой планете все уже начало протекать с обычной нормальной последовательностью.

И вот, мой мальчик, если бы через год туда не явилась опять Превеликая Комиссия под верховным руководством того же Архангела Саккакия, то, пожалуй, не получилось бы всех дальнейших недоразумений, связанных с трехмозгными существами, возникающими на этой злосчастной планете.

Это второе сошествие туда Превеликой Комиссии было вызвано тем, что в разумах большинства священных членов ее не была еще окристаллизована полная уверенность относительно невозможности в будущем какой-нибудь нежелательной неожиданности, несмотря на предпринятые ими мероприятия, о которых я только что говорил тебе, и теперь они хотели на месте проверить результаты этих своих мероприятий.

В это самое второе сошествие Превеликая Комиссия и решила на всякий случай, хотя бы только спокойствия ради, осуществить еще некоторые другие специальные меры, в числе которых была и та мера, последствия от которой, постепенно, не только превратились в ужасающий ужас для самых трехмозгных существ, возникающих на этой злосчастной планете, но и сделали их даже как бы злокачественной язвой для всей Великой Вселенной.

Дело было в том, что ко времени этого второго сошествия Превеликой Комиссии в них уже начал, как свойственно для трехмозгных существ, постепенно зарождаться так называемый «механический-инстинкт».

И вот, священные члены этой Превеликой Комиссии и рассудили тогда, что если у двуногих трехмозгных существ этой планеты упомянутый «механический-инстинкт» будет, как это обычно всегда бывает всюду в трехцентровых существах, усовершенствоваться в направлении приобретения объективной разумности, то они, чего доброго, преждевременно сообразят настоящие причины своего возникновения и существования и смогут наделать массу неприятностей; может случиться, что они, поняв причины своего возникновения, то есть что они своим существованием должны поддерживать оторвавшиеся куски своей планеты и, убедившись в таком своем рабском подчинении совершенно чуждым им обстоятельствам, не захотят продолжать своего существования и принципиально начнут уничтожать самих себя.

И вот, мой мальчик, ввиду этого, Превеликая Комиссия тогда, между прочим, и решила в общем наличии этих тамошних трехмозгных существ временно привить особый орган с такими свойствами, чтобы они, во-первых, действительно воспринимали шиворот-навыворот, а, во-вторых, чтобы всякие приходящие повторные впечатления окристаллизовывали в них такие данные, которые бы порождали факторы для вызывания в них ощущения «довольства» и «наслаждения».

И тогда они, действительно, при помощи общевселенского главного Архихимики-физика Ангела Луизоса, который тоже был в числе членов этой Великой Комиссии, особым образом нарастили в тамошних трехмозгных существах, в основе их хвоста, который вначале те тоже

еще имели и каковая часть их общего наличия еще была с нормальной внешностью, выражающей, так сказать, «полность-своего-сущностного-значения», а именно нарастили в конце их позвоночного мозга «нечто», способствующее возникновению в них упомянутых свойств.

И это «нечто» они тогда впервые и назвали «орган-Кундабуфер».

Нарастив тогда в их наличиях такой орган и убедившись на деле относительно его действия, Превеликая Комиссия, состоящая из священных Индивидуумов, во главе с великим Архангелом Саккакием, успокоившись и с чистой совестью, вернулась обратно в центр, а там, на заинтересовавшей тебя планете Земля, действие этого удивительного и в высшей степени хитроумного изобретения начало с первых же дней развиваться и развиваться, как бы сказал мудрый Молла Наср-Эддин, «во всю иерихонскую трубу».

Теперь, чтобы ты мог иметь хотя бы приблизительное понятие о результатах свойств органа, изобретенного и осуществленного бесподобным Ангелом Луизосом – да будет благословлено имя его во веки веков! – непременно требуется тебе знать о разнообразных проявлениях трехмозгных существ этой планеты, как того периода, когда в их наличии имелся еще этот «орган Кундабуфер», так и позднейших периодов, когда этот удивительный орган и его свойства были в них уничтожены, но, благодаря многим причинам, в их наличии начали окристаллизовываться последствия свойств этого органа.

Но об этом я объясню тебе после, а пока следует сказать, что сошествие туда Превеликой Комиссии состоялось еще в третий раз через три года по объективному времяисчислению, но уже под верховным руководством Преархисерафима Севотафтра, ввиду того, что к этому времени великий Архангел Саккакий уже сподобился стать тем Божественным Индивидуумом, каким он является и поныне, а именно одним из четырех Всечетвертьдержителей всей Вселенной.

Вот при этом третьем сошествии туда, когда всесторонними расследованиями священных членов этой третьей Превеликой Комиссии было выяснено, что для поддержания существования этих упомянутых оторвавшихся кусков уже нет надобности в дальнейшем осуществлении всех прежде нарочно предпринятых вынужденных мер, в числе других был также уничтожен, с помощью того же Архихимика-физика Луизоса, из общего наличия тамошних трехмозгных существ упомянутый орган Кундабуфер со всеми его удивительными свойствами.

Теперь будем продолжать начатый уже рассказ.

Итак, когда наша растерянность от происшедшей катастрофы, грозившей всей этой солнечной системе, миновала, мы опять, потихоньку, начали продолжать на планете Марс свое, так неожиданно прерванное, устройство на новом месте.

Постепенно все мы освоились с природой и начали приспособляться к существующим там условиям.

Как я уже сказал, многие из наших окончательно пристроились там, на планете Марс, другие отправились или собирались отправиться на судне *Оказия*, которое было представлено существам нашего племени для межпланетного сообщения, существовать на другие планеты этой же солнечной системы.

Я же с некоторыми моими близкими и приближенными остался существовать на этой планете Марс.

Надо сказать, что к этому времени, к какому относится этот мой рассказ, в моей обсерватории, которую я устроил на планете Марс, был уже поставлен мой первый Тескуано, и тогда-то именно я всего себя и отдал на дальнейшее оборудование и усовершенствование моей обсерватории, для более детальных наблюдения за далекими сосредоточениями нашей Великой Вселенной и за планетами этой солнечной системы.

Тогда же, в число объектов моих наблюдений, стала входить также и эта планета Земля. Время шло.

Процесс существования и на этой планете Земля начал постепенно устанавливаться, и по внешности казалось, что там процесс существования происходит совершенно так же, как и на всех других планетах.

Но при внимательном наблюдении было, во-первых, очень заметно, как постепенно число этих трехмозгных существ увеличивалось, а во-вторых, иногда можно было наблюдать очень странные проявления их, т. е. они время от времени начинали делать нечто такое, чего никогда на других планетах трехмозгными существами не делалось, а именно, они ни с того ни с сего вдруг начинали уничтожать друг у друга существование.

Иногда такие уничтожения друг у друга существования происходили там не в одном районе, а в нескольких и длились не один «дионоск» («Дионоск» означает день.), а много «дионосков» а иногда даже целые «орнакра» («Орнакр» означает месяц.).

Иногда становилось также заметно, что от этого их ужасного процесса их число быстро уменьшалось, но зато в другие периоды, когда наступало затишье от таких процессов, число их тоже заметно увеличивалось.

Мы к этой их особенности постепенно привыкли, объяснив себе, что, очевидно, органу Кундабуферу Превеликой Комиссией, по каким-нибудь высшим соображениям, тоже намеренно даны и такие свойства, то есть мы, видя плодовитость этих двуногих существ, тогда предполагали, что это сделано преднамеренно, вследствие того, что для нужд поддержания «общекосмического-гармонического движения» имеется необходимость в их существовании в таком большом количестве.

Если бы не эта их странная особенность, то никогда никому и в голову бы не пришло, что на этой планете – что-то «не тавось».

За этот период, к которому относится вышесказанное, я уже успел побывать почти на всех планетах этой солнечной системы, как уже обитаемых, так еще не обитаемых.

Лично мне больше всех понравились трехцентровые существа, которые водятся на планете, носящей название «Сатурн», и по своей внешности ничего общего с нашей внешностью не имеют, а похожи на существо-птицу «ворон».

Интересно, между прочим, здесь отметить, что форма существа-птицы «ворон» почему-то водится на всех планетах не только этой Солнечной системы, но и на большинстве других планет всей Великой Вселенной, на которых возникают существа разной системности мозгов и облекаются планетными телами различными по форме.

А разговорные сношения эти существа «вороны» между собой на этой планете Сатурн имеют вроде нашего.

Что же касается самого их говора, то это, по-моему, самый красивый из всех когда-либо мною слышанных говоров.

Их говор можно было бы сравнить с пением наших хороших певцов, когда они поют всем своим существом что-либо минорное.

А в своих отношениях с другими, они... даже не знаешь, как объяснить; это возможно осознать, только существуя среди них и испытав на себе.

Можно разве только сказать, что эти «существа-птицы» сердца имеют точно такие, какие сердца имеют самые приближенные ангелы нашего **БЕСКОНЕЧНОГО СОЗДАТЕЛЯ И ТВОРЦА**.

Они существуют точно так, как велит девятая заповедь нашего **ТВОРЦА**, а именно:

Всякое другого представляй собственным своим и так относись.

Позже я непременно расскажу тебе как-нибудь намного подробнее и относительно этих трехмозгных существ, которые возникают и существуют на планете Сатурн, так как за весь период моей ссылки моим настоящим другом в этой солнечной системе было существо как раз с этой планеты, которое имело внешнее облекание «ворона» и которое звали «Хархарх».

Глава 11

Пикантная черта оригинальности психики людей

Давай говорить опять о трехмозгных существах, возникающих на планете Земля, которые тебя больше всего заинтересовали и которых ты назвал «слизняками».

Я начну с того, что выражу в словах личную мою радость относительно того, что ты находишься очень далеко от тех трехцентровых существ, которых ты назвал таким «оскорбляющим-их-достоинство» словом и что они никак не узнают об этом.

Знаешь ли ты, несчастный, еще неосознавший себя мальчишка, что сделали бы они тебе, особенно современные тамошние существа, если бы слышали, как ты их назвал?

Что они сделали бы тебе, если бы ты был там и они добрались до тебя, даже говорить об этом ужас берет.

В самом лучшем случае они избили бы тебя так, что ты, как говорит наш Молла Наср-Эддин, «до-нового-урожая-веников-не-очухался-бы».

На всякий случай я советую тебе, чтобы ты всегда при начале всякого нового дела благословлял судьбу и умолял ее о том, чтобы она смиростивилась к тебе и всегда была бы начеку и устраняла бы для существ планеты Земля всякие возможности догадаться, что ты, именно ты, любимый и единственный мой внук, осмелился назвать их «слизняками».

Дело в том, что за время моих наблюдений за ними с планеты Марс и за период моего существования среди них, я психику этих странных трехмозгных существ изучил очень хорошо, и потому я уже отлично знаю, что они сделали бы тому, кто осмелился бы дать им такое прозвище.

Хотя ты назвал их так по своей детской наивности, но трехмозгные существа этой оригинальной планеты, особенно современные, в таких тонкостях не разбираются.

Кто назвал, почему назвал, в каком состоянии назвал? Не все ли равно?! Раз ты назвал их таким словом, которое они считают оскорбительным, – этого и довольно.

А разбираться в этом, по пониманию большинства из них, – является просто, как они же выражаются, – «литье-из-пустого-в-порожнее».

Как бы там ни было, но назвав трехмозгные существа водящиеся на планете Земля таким оскорбительным словом, ты поступил очень и очень опрометчиво; во-первых, создал во мне беспокойство за тебя и, во-вторых, уготовил самому себе в будущем угрозу.

Дело в том, что, хотя, как я уже сказал, ты находишься от них очень далеко и достать тебя они не будут в состоянии, чтобы лично наказать, но тем не менее, если, паче чаяния, хотя бы через двадцатые руки, они случайно узнают, как ты их оскорбил, то во всяком случае ты уже будешь обеспечен их настоящей так называемой «анафемой», а какие размеры примет эта самая «анафема», это будет зависеть от тех интересов, которыми в данное время они будут заняты.

Пожалуй, стоит описать тебе, как поступили бы существа Земли, если бы они случайно узнали, что ты их оскорбил. Такого рода описание может для нас послужить очень хорошим примером для выяснения странности психики этих заинтересовавших тебя трехмозгных существ.

Если бы у них в данное время было, за отсутствием других таких же бессмысленных интересов, более или менее «затишье», они по поводу такого инцидента, а именно, такого твоего оскорбления их, стали бы устраивать где-нибудь в заранее выбранном месте, с заранее приглашенными и, конечно, одетыми в специальные для таких случаев костюмы, так называемый «торжественный-совет».

Первым долгом они для этого своего «торжественного-совета» выберут кого-нибудь из своей среды так называемым «председателем» и только после этого начнут это свое разбирательство.

Прежде всего, они начнут тебя, как там же выражаются, «по косточкам разбирать», и не только тебя, но и твоего отца, деда, а может быть, дойдут и до Адама.

Дальше, если они решат, конечно, непременно «большинством-голосов», что ты «виновен», они присудят тебе наказание согласно указаниям того свода законов, который собран на основании прошлых подобных же «кукольных-игр» существами, так называемыми «песочниками».

А если случайно «большинством голосов» они не найдут в твоём поступке решительно ничего преступного, хотя у них это бывает очень редко, – тогда все это свое разбирательство, изложенное подробно на бумаге и подписанное всеми, направят... ты думаешь в огонь? Нет?... к соответствующим специалистам, в данном случае в так называемый там «Святейший Синод». А там такой же порядок; только твоё дело будут «разбирать» уже «важные» тамошние существа.

И только в самом конце этого их «переливания из пустого в порожнее» они сообразят главное, а именно, что подсудимого-то лично достать нельзя.

Вот тут и возникает самое опасное для твоей личности, а именно, когда они наконец «бессомнительно» убедятся, что тебя достать будет невозможно, все они на этот раз уже единогласно решат «предать тебя» не больше, не меньше как «анафеме», о которой я тебе упомянул.

А знаешь, что это такое, и как это делается? Нет?!

Ну, так слушай и содрогайся.

Самые «важные» существа прикажут всем прочим существам, чтобы они во всех своих соответствующих учреждениях, вроде так называемых «церквей», «молелен», «синагог» и «городских дум» и так далее, в специальных случаях, специальными служителями в соответствующих церемониях желали бы мысленно для тебя вроде следующего: чтобы ты лишился своих рогов, чтобы твои волосы преждевременно поседели, чтобы пища в твоём желудке превратилась в обойные гвозди, чтобы у твоей будущей жены язык вырос до трех её величин. Или, наконец, они пожелали бы тебе, чтобы, когда ты к своему рту подносишь любимое тобой пирожное, оно превратилось в гуталин, и так далее в этом духе.

Понимаешь ли теперь, каким опасностям ты себя подвергал тем, что этих далеких трехмозгных оригиналов назвал «слизняками»?

Докончив так, Вельзевул с улыбкой начал смотреть на своего любимца.

Глава 12

Первое «оскаливание»

Немного погодя, Вельзевул начал говорить следующее:

– По-моему, очень хорошим материалом для выяснения странности психики трехмозгных существ этой понравившейся тебе планеты может для начала послужить история, которую я сейчас вспомнил и которая связана как раз с только что упомянутой «анафемой»; а кроме того, эта история может тебя немного успокоить и дать надежду на то, что если случайно те оригинальные земные существа узнают о том, как ты их оскорбил и предадут тебя сказанной «анафеме», то и может для тебя получиться также очень и очень «недурно».

Эта история, которую я собираюсь тебе рассказать, произошла у современных тамошних трехмозгных существ совсем недавно и была вызвана там следующими событиями:

В одной их большой «общественности» мирно существовало одно обыкновенное существо, имеющее профессию, называемую там «писатель».

Запомни, между прочим, и о том, кстати, что там в давнопрошедшие времена среди существ такой профессии встречались часто и такие, которые все же кое-что сами придумывали и писали, а в последние эпохи «писателями» из среды тамошних существ, особенно из существ настоящего времени, делаются исключительно такие, которые из многих уже существующих книг, предпочтительно древнейших, только переписывают всевозможные подходящие одна к другой фразы и таким образом составляют «новую» книгу.

Не мешает отметить и даже подчеркнуть и то, что написанные разными тамошними писателями книги за последние века там в своей совокупности стали представлять из себя один из главных факторов того, что скоро, очень скоро, разум всех прочих тамошних трехмозгных существ в смысле легкости приобретает свойства эфира.

Итак, мой мальчик...

Тот «современный писатель», про которого я начал рассказывать, был «писатель», как все прочие тамошние писатели, и ничего особенного из себя не представлял.

Однажды, когда он кончил писать какую-то свою книгу он начал обдумывать, о чем бы ему еще написать, и решил искать для этого какую-нибудь новую «идею» в книгах из его так называемой «библиотеки», которая обязательно должна иметься у каждого тамошнего «писателя».

И вот, во время таких его исканий, ему попадает в руки книга, называемая «Евангелие».

«Евангелием» называется там книга, написанная когда-то некими Матвеем, Марком, Лукой и Иоанном об Иисусе Христе, посланнике нашего **БЕСКОНЕЧНОГО** на эту планету.

Эта книга очень распространена среди тамошних трехцентровых существ, которые существуют, якобы, согласно указаниям этого посланника.

И вот, когда этому «писателю» случайно попадает в руки эта книга, ему вдруг приходит в голову мысль о том, почему бы и ему не сочинить «Евангелие».

Согласно изысканиям, которые мне пришлось делать по совершенно другим моим надобностям, оказалось, что он тогда дальше размышлял следующим образом:

«Чем я хуже этих самых Иоанна, Луки, Матвея и Марка, древних дикарей?!

Я, по крайней мере, цивилизованнее их и сумею для современников написать „Евангелие“ куда лучше.

Непременно следует написать именно „Евангелие“, потому что современные люди, так называемые „Англичане“ и „Американцы“, очень любят эту книгу, а курс их фунтов и долларов на бирже в настоящее время очень и очень „недурен“».

Задумано – сделано.

И с этого дня он начинает «намудровывать» новое «Евангелие».

Но, когда он кончает его и сдает в типографию для напечатания, – вот тут-то и начинаются все дальнейшие события, связанные с этим его новым «Евангелием».

В другое время, пожалуй, ничего бы и не случилось и это его новое «Евангелие» просто заняло бы очередное место в библиотеках тамошних книгоманов, в числе множества других книг с изложением подобных «истин».

Но дело в том, что, к счастью или несчастью этого писателя, некоторым «власть-имущим» существам той большой общественности, в которой и он существовал, страшно не везло в так называемые там «рулетку» и «баккара», и потому они все требовали и требовали, чтобы обыкновенные существа их общественности посылали им то, что они называют «деньги». Благодаря непомерным на этот раз требованиям «денег», обыкновенные существа этой общественности вышли, наконец, из своей обычной так называемой «спячки» и начали «хорохориться».

Оставшиеся дома «власть-имущие» существа, видя это, забеспокоились и начали принимать соответствующие «меры».

В числе этих мер было также и моментальное уничтожение с лица их планеты всего нововозникающего в их отечестве, дабы оно не мешало обыкновенным существам их общественности вновь впадать в «спячку».

Вот в этот самый период и появилось упомянутое «Евангелие» этого писателя.

«Власть-имущие» существа в содержании и этого нового «Евангелия» нашли нечто такое, которое, по их понятиям, тоже мешало обыкновенным существам их общественности опять впадать в «спячку»; и потому они решили было как самого писателя, так и его «Евангелие» тоже моментально «тавось», как они к этому времени такое «тавось» хорошо уже наловчились делать с подобными отечественными «выскачками», занимавшимися не своим делом.

Но, по каким-то соображениям, поступить так с этим писателем было невозможно, и потому они заволновались и долго судили и рядили – как быть.

Одни предлагали поместить и его просто-напросто туда же, где водится много «крыс» и «клопов»; другие предлагали отправить его «куда-Макар-телят-не-гонял» и так далее, и так далее, и, в конце концов, они решили этого писателя с его «Евангелием» предать, по всем правилам, всенародно, честь честью, той «анафеме», которой они несомненно предали бы и тебя, если бы узнали, как ты их оскорбил.

И вот, мой мальчик, как выразилась странность психики современных трехмозгных существ этой оригинальной планеты в данном случае: из-за того, что писателя с его Евангелием всенародно предали этой самой «анафеме», для него получилось просто опять-таки, как говорит многоуважаемый Молла Наср-Эддин, – «Лафа».

А произошло это следующим образом.

Обыкновенные существа данной общественности, видя такое «внимание» со стороны «власть-имущих» существ к этому писателю, очень сильно заинтересовались им и начали жадно покупать и читать не только это его новое Евангелие, но и все до того им написанные книги.

И с тех пор у всех существ сказанной общественности постепенно заглохли, как это вообще свойственно трехцентровым существам, водящимся на этой оригинальной планете, все другие интересы и они стали говорить и думать только про этого писателя.

И, как там тоже обыкновенно бывает, когда одни начали во всю расхваливать этого писателя, другие начали говорить против него, и в результате таких споров и разговоров, число заинтересованных этим писателем начало расти не только среди существ этой общественности, но также и среди существ других общественностей.

А последнее случилось потому, что часть «власть-имущих» существ этой общественности еще продолжала по очереди, по обыкновению с полным карманом денег, ездить в другие общественности, в которых происходили игры в «рулетку» и «баккара», и, ведя и там свои

споры относительно этого писателя, постепенно заразили этим также существа других обществностей.

Короче говоря, благодаря странности их психики там постепенно сложилось так, что и в настоящее время, когда там уже давно забыто об его Евангелии, имя его стало известным почти повсеместно как очень хорошего писателя.

И теперь, о чем бы этот писатель ни писал, они все набрасываются на эти его писания и принимают их за неоспоримые истины.

Они все его писания теперь принимают с таким же благоговением, с каким тамошние же древние калькиане выслушивали прорицания своих священных «пифий».

Здесь очень интересно отметить, что если там в настоящее время любого из существ спросить об этом писателе, то оказалось бы, что каждый знает его и, конечно, станет говорить о нем, как о необыкновенном существе.

А если в то же время спросить их, о чем писал этот писатель, то окажется, что большинство из них, конечно, если признаются откровенно, ни одной его книги даже и не читали. Все же они будут о нем спорить, говорить и, конечно, с пеной у рта настаивать, что этот писатель – существо «необыкновенного ума» и феноменальный знаток психики существ, обитающих на их планете Земля.

Глава 13

Почему в разуме людей фантазия может восприниматься как реальность

Дорогой и добрый мой дедушка! Будь так добр и объясни мне, хотя бы приблизительно, почему же они такие, что «эфемерность» воспринимается в них как реальность?

На такой вопрос своего внука Вельзевул рассказал следующее:

– На планете Земля, в трехмозгных существах, такая особенность их психики стала иметься лишь за последние периоды, и возникла эта особенность в них только потому, что оформившаяся в них главенствующая часть их, которая оформливается в них, как и во всех трехмозгных существах, стала постепенно допускать, что другие части всего их целого наличия воспринимали всякое новое впечатление без так называемых существенских «Парткдолгдютти», а только просто так, как вообще воспринимают имеющиеся в трехмозгных существах отдельные самостоятельные локализации, существующие под названием «существенские-центры»; на их языке я бы то же самое выразил так: они верят всему, что говорят другие, а не только тому, что они могли бы сами познать собственным здравым рассуждением, то есть убеждаться согласно результатам, долженствующим получаться через посредство происходящего в них, так сказать, «сопоставительного спора» между уже слагавшимися данными, порождающими вообще в существах понятия в отдельных их разнородных концентрациях.

Вообще всякое новое понимание в этих странных существах окристаллизовывается только, если о ком-нибудь или о чем-нибудь говорит так-то Иван Иванович; а если об этом же самом, то же самое скажет еще и Петр Петрович, – то они уже окончательно убеждаются, что это именно так, и никак не может быть иначе.

Только благодаря этой особенности их психики и благодаря тому, что про сказанного писателя много стали говорить вышеупомянутым образом, в настоящее время почти все тамошние существа уже убеждены, что он действительно очень и очень большой психолог и психику существ своей планеты знает бесподобно.

Между тем, на самом деле, когда я был на этой планете в последний раз и тоже слышал про сказанного писателя и для выяснения совсем другого вопроса раз специально ездил к нему лично, он, по моим понятиям, оказался не только, как все прочие тамошние современные писатели, очень ограниченным и, как говорит наш дорогой Молла Наср-Эддин, – «дальше своего носа невидящим», но, в смысле знания действительной психики существ своей планеты в реальных условиях, даже, – смело можно было бы сказать, – «совершенно неграмотным».

Повторяю. История с этим писателем является очень характерным примером для выяснения того, насколько в этих понравившихся тебе трехмозгных существах, особенно в современных, отсутствует осуществление существенских «Парткдолгдютти», и насколько в них совершенно не окристаллизовываются, – как вообще это свойственно для трехмозгных существ, – их собственные субъективные, существенские убеждения, оформленные собственными их логическими размышлениями, а окристаллизовываются в них «существенские-убеждения» исключительно только в зависимости от того, как скажут относительно данного вопроса другие.

Благодаря только тому, что в них отсутствует осуществление существенских «Парткдолгдютти», которое лишь и может дать существу осознание реальной действительности, они и увидели в упомянутом писателе какие-то несуществующие совершенства.

Такая странная черта общей психики, а именно, – чтобы удовлетворяться только тем, что скажет Иван Иванович или Петр Петрович, и не стремиться знать больше этого, – вкоренилась в них уже давно и они совершенно больше не стремятся знать что-нибудь такое, что может быть познаваемо только собственным активным размышлением.

Относительно всего сказанного следует непременно заметить, что здесь ни при чем ни орган Кундабуфер, который имели их предки, ни его последствия, которые по вине некоторых священных Индивидуумов кристаллизовались в их предках и потом стали переходить по наследству из рода в род.

Виноватыми в этом стали лично они сами своими, ими же самими постепенно установленными, ненормальными условиями для обыкновенного внешнего существенского существования, которые в их общем наличии и оформили постепенно то, что ныне уже является их внутренним «Злым Богом» и называется «Самопокой».

Впрочем, и относительно всего этого, ты сам поймешь очень хорошо после того, когда я сообщу тебе, как я уже обещал, побольше фактов, связанных с этой понравившейся тебе планетой.

Я тебе на всякий случай очень советую в будущем в своих выражениях относительно трехмозгных существ этой планеты быть очень осторожным, чтобы их как-нибудь не оскорбить, а то они, как они выражаются: «чем черт не шутит», узнают о каком-нибудь твоём оскорблении и «подложат» тебе, по их выражению, «свинью».

И для данного случая не мешает опять вспомнить одно из мудрых изречений нашего дорогого Молла Наср-Эддина, который говорит:

«Чего, чего только на свете не бывает! Даже блоха может иногда проглотить слона».

Еще что-то хотел сказать Вельзевул, но в это время вошел судовой слуга и передал ему полученную на его имя «эфирограмму».

Когда Вельзевул выслушал содержание сказанной «эфирограммы» и судовой слуга вышел, Хассин обратился опять к Вельзевулу со следующими словами:

– Дорогой дедушка! Продолжай, пожалуйста, рассказывать о трехцентровых существах, возникающих и существующих на той интересной планете, которая называется «Земля».

Вельзевул, посмотрев на своего внука опять-таки с особенной улыбкой и сделав головой очень странный жест, продолжал так...

Глава 14

Начало перспектив, обещающих не очень много веселого

Прежде всего следует сказать, что вначале и на этой планете трехмозгные существа имели такое же наличие, какое имеют вообще все так называемые «Кесчапмартные» трехмозгные существа, возникающие на всех соответствующих планетах всей нашей Великой Вселенной, и они также имели такую же, так называемую, «долготу существования», как всякие другие трехмозгные существа.

Всевозможные изменения в их наличии начались, главным образом, после второго несчастья с этой планетой, во время которого в нее вошел главный ее материк, существовавший тогда под названием «Атлантида».

Вот с тех пор, вследствие того, что они начали понемногу создавать всевозможные такие условия внешнего существенного существования, благодаря которым качество их излучаемости стало постепенно ухудшаться и ухудшаться, и Великая Природа была принуждена постепенно разными компромиссами и изменениями перерождать их общее наличие для урегулирования качества излучаемых ими колебаний, требуемого ею главным образом для поддержания благополучного существования бывших частей этой планеты.

По вышесказанной причине Великая Природа постепенно увеличила количество самих существ так, что в настоящее время они водятся уже почти на всех образовавшихся на этой планете твердых.

Форма внешности их планетных тел почти одинаковая и, конечно, размерность и другие субъективные особенности каждого облакаются, как и у нас, согласно отражению наследственности, условиям момента зачатия и другим факторам, которые обычно являются причинами для возникновения и оформления всякого существа.

Они различаются еще между собой цветом кожи и формой, возникающей и на них «комплексинизации» волос, а эти последние особенности наличия каждого из них вытекают тоже, как и всюду, от планетных результатов той части поверхности, где данные существа возникают и оформляются до возраста ответственного существа или, как они говорят, до того, когда они становятся «совершеннолетними».

А что касается до общей психики каждого и ее основных черт, то на каких бы частях поверхности своей планеты данные существа ни возникли, они оформляются с одними и теми же особенностями общей психики, в числе которых находится и то свойство тамошних трехмозгных существ, благодаря которому из всей Вселенной исключительно только на этой странной планете происходит «ужасающий-процесс», называющийся «процесс-уничтожения-друг-у-друга-существования» или, как там, на этой злосчастной планете, говорят — «война».

Кроме этой главной особенности их общей психики, в каждом из них, также безотносительно к тому, где бы они не возникли и не существовали, вполне окристаллизовываются и становятся неперменной частью общего их наличия функции, существующие там под названием «эгоизм», «самолюбие», «тщеславие», «гордость», «самоуверенность», «доверчивость», «внушаемость» и несколько других свойств, совершенно ненормальных и совершенно неподобающих для сущности каких бы то ни было трехмозгных существ.

Из вышеперечисленных ненормальных существенных особенностей психики самой ужасной лично для них является особенность, которая называется «внушаемость».

Относительно этой в высшей степени оригинальной и странной психической особенности я как-нибудь объясню тебе специально.

Сказав это, Вельзевул задумался на этот раз больше обыкновенного и после, обращаясь опять к внуку, сказал:

– Я вижу, что трехмозгные существа, возникающие и существующие на оригинальной планете, называемой «Земля», тебя очень заинтересовали и, так как во время этого нашего путешествия на судне *Карнак* нам придется для скоротания времени волей-неволей беседовать о всякой всячине, то я буду рассказывать тебе возможно больше именно об этих трехмозгных существах.

По-моему, для ясного понимания тобою странности психики этих трехмозгных существ, самым лучшим будет, если я расскажу тебе по порядку о моих личных спусках на эту планету и о тех происходивших там событиях, очевидцем которых я был лично во время этих моих спусков.

Поверхность этой планеты Земля я посетил лично всего шесть раз, и такие мои личные посещения каждый раз были вызваны разными обстоятельствами.

Начну с моего первого спуска!

Глава 15

Первый спуск Вельзевула на планету «Земля»

– На эту планету Земля, – начал рассказывать Вельзевул, – я спустился в первый раз из-за одного молодого существа нашего племени, который имел несчастье связаться всерьез с одним тамошним трехмозгным существом и, благодаря этому, попал в одну очень глупую историю.

Как-то раз, в мой дом на планете Марс пришли несколько существ нашего племени, обитавших там же, на Марсе, и обратились ко мне с просьбой.

Они рассказали мне, что один из молодых их родственников триста пятьдесят марсовых годов тому назад переселился существовать на планету Земля и что с ним недавно произошел там случай очень неприятный для всех нас – его близких.

Дальше они мне сказали:

«Мы, его близкие, как существующие там на планете Земля, так и существующие здесь, на планете Марс, вначале хотели сами, своими возможностями, ликвидировать этот неприятный случай; но несмотря на все наши старания и принятые нами меры, мы до сих пор еще не могли ничего добиться.

И теперь, когда мы окончательно убедились, что мы сами не в состоянии самостоятельно ликвидировать эту неприятную историю, мы намереваемся беспокоить вас, ваше Преподобие, и умоляюще просим, чтобы вы были добры не отказать нам в вашем мудром совете, дабы выйти нам из этого печального для нас положения».

Дальше они подробно изложили мне, в чем заключалось выпавшее на их долю несчастье.

Из всего ими сказанного мне я увидел, что этот случай неприятен не только для близких этого молодого существа, но может стать также неприятен и для существ всего нашего племени.

И потому я не мог не взяться сразу же помочь им ликвидировать это их недоразумение.

Вначале я пробовал помочь им в этом, оставаясь на планете Марс, но когда я убедился, что оттуда что-либо сделать существенное невозможно, я решил спуститься на планету Земля и там, на месте, найти какой-нибудь выход.

После такого моего решения я на другой же день захватил с собою все необходимое, имевшееся у меня «под руками», и на нашем судне *Оказия* полетел туда.

Повторяю, *Оказия* было то судно, на котором все существа нашего племени были отправлены в эту Солнечную систему, и оно, как я тебе уже сказал, было оставлено в пользование существам нашего племени для надобностей междупланетных сообщений.

Судно это имело свою постоянную стоянку при планете Марс, и главное распоряжение им было Свыше предоставлено мне.

И вот, на этом судне *Оказия* я и спустился на планету Земля в первый раз.

Наше судно в этот раз опустилось на берега именно того материка, который при втором несчастье с этой планетой совершенно исчез с ее поверхности.

Этот материк назывался «Атлантида», и главным образом на нем и существовали тогда трехмозгные существа этой планеты, а также и большинство существ нашего племени.

Когда мы спустились, я с судна *Оказия* отправился прямо в город, именовавшийся «Самлиос» и находившийся на сказанном материке; на нем место своего существования имело то несчастное молодое существо нашего племени, которое и было причиной этого моего спуска.

Самлиос был тогда очень большим городом и являлся столицей тогдашней самой большой общественности планеты Земля.

В этом городе существовал глава этой большой общественности, которого называли «царь Апполис».

Вот с этим самым царем Апполисом и связался наш молодой неопытный земляк.

Все подробности этой истории я узнал уже в самом городе Самлиосе.

Именно я узнал, что до этой истории наш несчастный земляк почему-то был в дружеских с этим царем отношениях и часто бывал у него на дому.

Как выяснилось, раз, во время посещения дома царя Апполиса, в разговоре с ним, наш молодой земляк «держал пари», которое и послужило поводом для дальнейшего.

Прежде всего надо сказать тебе, что та общественность, над которой царь Апполис был главой, и город Самлиос, в котором он существовал, были в тот период самыми большими и самыми богатыми из всех имевшихся тогда на Земле общественностей и городов.

Для поддержания такого богатства и величественности царю Апполису требовалось, конечно, много так называемых их «денег» и очень много трудов обыкновенных существ этой общественности.

Вот здесь и следует первым долгом отметить, что к периоду моего первого самоличного спуска на эту планету в этих заинтересовавших тебя трехмозгных существах уже не имелось органа Кундабуфера, и только начинали в некоторых из них окристаллизовываться разные последствия свойств этого злостного для них органа.

В период, к которому относится этот мой рассказ, одним из уже хорошо скристаллизовавшихся в некоторых тамошних существах последствий свойств этого органа и было то, которое, когда в них еще функционировал орган Кундабуфер, способствовало тому, что они очень легко и совершенно без «угрызения-совести» ничего не выполняли добровольно по взятым на себя или возлагаемым на них старшими обязательствам, а всякие обязательства ими вытполнялись только под влиянием боязни и страха от извне приходящих «запугиваний» и «угроз».

Вот это самое, уже хорошо скристаллизовавшееся в некоторых тамошних существах этого периода последствие такого свойства, и было причиной всей этой истории.

Итак, мой мальчик, дело было в том, что царь Апполис, будучи сам очень добросовестным в отношении взятых на себя обязательств для поддержания величия доверенной ему общественности, не жалел своих собственных трудов и благ, но в то же время требовал того же самого и от всех существ своей общественности.

А так как в некоторых из его подданных, как я уже сказал, к этому периоду уже было очень хорошо окристаллизовано упомянутое последствие свойства органа Кундабуфера, то он, чтобы получать от всех требуемое для величия доверенной ему общественности, стал прибегать к всевозможным «запугиваниям» и «угрозам».

Его приемы были так разнообразны и в то же время так разумны, что даже те из его подданных существ, в которых уже было окристаллизовано упомянутое последствие, не могли не уважать его, хотя к его имени тогда, конечно за глаза, добавляли еще прозвище «Архихитрец».

И вот, мой мальчик, эти способы, какими царь Апполис добивался тогда от таких своих подданных требуемого для поддержания величия доверенной ему общественности, показались нашему молодому земляку почему-то несправедливыми, и он, как говорили, часто возмущался и не находил себе покоя, когда слышал о каком-нибудь новом способе царя Апполиса добиваться необходимого.

И как-то раз, во время одного разговора с самим царем, наш наивный молодой земляк не удержался и высказал ему в лицо свое возмущение и свои взгляды на такое его, царя Апполиса, «бессовестное» отношение к своим подданным.

На это царь Апполис не только не вознегодовал, как вообще на планете Земля делается в случае таких вмешательств не в свои дела, и не только не выгнал нашего земляка в шею, — но даже стал говорить с ним и рассуждать о причинах своей строгости.

Они говорили очень много и результатом всего их такого разговора было «пари», то есть они поставили друг другу условия, написали эти условия на бумаге и каждый подписал их своей собственной кровью.

В эти их условия входило, между прочим, что царь Апполис обязуется с этого времени, для получения всего требуемого от своих подданных, применять только те меры и приемы, которые будет указывать ему наш земляк.

А в случае, если все подданные не будут так же как всегда вносить требуемого, то наш земляк отвечает за все и обязуется уже сам доставлять в казну царя Апполиса всего столько, сколько требуется для поддержания и дальнейшего возвеличения, как столицы, так и всей общественности.

И вот, мой мальчик, после всего этого, со следующего уже дня, царь Апполис начал действительно очень честно выполнять взятое на себя обязательство согласно условию, и все управление общественностью начал вести точно по указаниям нашего земляка.

Но результаты такого управления очень скоро показали совершенно противоположное тому, что думал и чего ожидал наш простак.

Подданные этой общественности, конечно, главным образом те, в которых уже было окристаллизировано упомянутое последствие свойств органа Кундабуфера, не только совершенно перестали вносить в казну царя Апполиса требуемое, но даже начали таскать понемногу обратно прежде внесенное.

Так как наш земляк дал обязательство вносить требуемое, да еще подписал его своей кровью, – а ты ведь знаешь, что значит для нашего брата взятие на себя добровольного обязательства, да еще скрепленного своей кровью, то, конечно, он должен был скоро начать вносить в казну все недостающее.

Сначала он внес в казну все, что сам имел, а потом все, что мог достать у своих близких, обитавших там же на планете Земля.

А когда и у тамошних его близких иссякло все нужное, тогда начались обращения за материалами к его близким, обитавшим на нашей планете Марс.

Скоро и на Марсе все иссякло, а казна города Самлиоса все требовала и требовала, и этим требованиям не было видно конца.

Тогда вот и заволновались все близкие этого нашего земляка, и после этого они и решили обратиться ко мне с просьбой, чтобы я выручил их из этой беды.

Итак, мой мальчик, когда я прибыл в сказанный город, меня встретили там все оставшиеся на этой планете существа нашего племени, как пожилые, так и молодые.

В тот же день вечером всеми нами был устроен общий совет для того, чтобы, обсуждая вместе, найти какой-нибудь выход из создавшегося положения.

На этот наш общий совет был также приглашен сам царь Апполис, с которым наши пожилые земляки уже до этого имели много разговоров по поводу всего этого.

На этом первом нашем общем совете, царь Апполис, обращаясь ко всем нам, сказал следующее:

«Справедливые друзья!

Я сам лично очень сожалею о случившемся и о том, что оно вызвало для собравшихся здесь столько беспокойства, и всем своим существом сокрушаюсь, что я не в силах избавить вас от предстоящих хлопот.

Дело в том, – продолжал царь Апполис, – что заведенный и налаженный веками механизм правления моей общественностью в настоящее время в корне изменен, и уже невозможно вернуться к старому без серьезных последствий, которые без сомнения должны вызвать возмущение большинства моих подданных. При нынешнем положении дел я один уже не в состоянии ликвидировать создавшееся без упомянутых серьезных последствий, и поэтому я вас всех прошу, во имя справедливости, помочь мне в этом».

И еще он тогда добавил:

«Я ужасно каюсь перед всеми вами, так как во всем этом несчастье я считаю и себя тоже очень виноватым.

А виноват я потому, что должен был предвидеть случившееся, так как здесь, в этих условиях, я существовал больше, чем мой противник и ваш “собрат”, а именно тот, с кем я заключил известное вам условие.

Откровенно говоря, мне непростительно, что я рискнул заключить такие условия с существом, которое, хотя может быть и много разумнее меня, но во всяком случае менее практично в таких делах, чем я.

Еще раз вас всех и особенно Его Преподобие прошу извинить меня и помочь мне избавиться от этой печальной истории и суметь найти благополучный выход из создавшегося положения.

При настоящем положении вещей я теперь могу делать только то, что вы будете мне указывать».

После ухода царя Апполиса, в тот же вечер, мы решили выбрать из своей среды несколько опытных пожилых существ, которые в ту же ночь, сообщая, взвесили бы все данные и составили бы какой-либо приблизительный план дальнейших действий.

После этого мы, все остальные, разошлись с тем, чтобы на другой же вечер опять собраться туда же, причем на второе наше собрание мы царя Апполиса не пригласили.

Когда мы собрались на другой день, то первым долгом одно из накануне выбранных пожилых существ доложило нам следующее:

«Мы всю прошлую ночь размышляли и рассуждали относительно всех деталей этой прискорбной истории и в результате, прежде всего, единогласно пришли к заключению, что нет никакого другого выхода, кроме как вернуться к прежним условиям управления.

А дальше мы все, тоже единогласно, согласились с тем, что, действительно, возврат к прежнему порядку правления обязательно должен вызвать возмущение подданных этой общности, причем, конечно, от этого непременно произойдут все, ставшие за последнее время на Земле в таких случаях неизбежными, последствия этого возмущения.

И при этом, конечно, тоже как уже стало здесь обычным, многие из так называемых «власть-имущих» существ этой общности сильно пострадают, включительно до возможности совершенного их уничтожения, а уже во всяком случае самому царю Апполису такой участи не миновать.

После этого мы начали рассуждать и придумывать какие-нибудь возможности, чтобы отвлечь хотя бы от царя Апполиса сказанные печальные последствия.

Это последнее мы потому очень искренно хотели придумать, что вчера, на нашем общем собрании, царь Апполис был сам очень искренен и доброжелателен к нам, и нам всем было бы очень жаль, если бы ему пришлось пострадать.

При дальнейших наших долгих рассуждениях мы пришли к тому заключению, что отвлечь удар от царя Апполиса возможно, только если во время упомянутого возмущения проявление гнева возмущившихся существ этой общности направить не на самого царя, а на его окружающих, то есть на его, как здесь говорят, «правительство».

Но здесь у нас возник вопрос, согласятся ли эти приближенные царя принять на себя последствия всего этого?

И мы пришли к категорическому заключению, что они на это, конечно, не согласятся, потому что все они будут уверенно считать, что виновником всего этого является только царь, и потому пусть он сам и расплачивается.

После всех вышесказанных выяснений мы, наконец, тоже единогласно, решили следующее:

Чтобы спасти хотя бы царя Апполиса от неизбежно ожидаемого, существа нашего племени должны, с согласия самого царя Апполиса, в данной общности заменить всех лиц, имеющих какие-либо ответственные должности, и, во время разгара “психопатизма” здешней массы, принять каждый на себя часть общего результата ожидаемого».

Когда этот наш выборный кончил свой доклад, мы немного только обменялись мнениями и вынесли единогласное решение поступать именно так, как придумали пожилые существа нашего племени.

После этого мы первым долгом отправили одного из наших пожилых существ предложить такой наш план царю Апполису; последний согласился на него и еще раз повторил свое обещание, а именно, что он все будет делать так, как мы будем ему указывать.

Тогда мы решили, не откладывая, со следующего же дня начать заменять всех должностных лиц нашими.

Но через два дня оказалось, что существ нашего племени, обитающих на планете Земля, не хватит для замены всех должностных лиц этой общественности, и потому мы немедленно отправили судно *Оказия* обратно на планету Марс за тамошними нашими.

А пока царь Апполис под руководством двух из наших пожилых существ начал под всякими предлогами заменять разных должностных лиц нашими, сперва в самой столице Самлиосе, а когда через несколько дней наше судно *Оказия* прибыло с планеты Марс с существами нашего племени, подобные замены начались также и в провинции, и скоро всюду в этой общественности так называемые ответственные должности исполнялись уже существами нашего племени.

Когда таким образом все были заменены, царь Апполис, под руководством все тех же наших пожилых, начал восстанавливать в отношении управления общественностью прежние порядки.

Почти с первых же дней возобновления старых порядков начали, как и ожидалось, проявляться результаты общей психики существ этой общественности, в которых уже было хорошо окристаллизировано последствие упомянутого свойства злостного органа Кундабуфера.

Сказанное недовольство тогда с каждым днем росло, и в один совсем недалекий от начала день произошло то самое, что с тех пор уже окончательно стало свойственно иметься в наличии тамошних трехмозгных существ всех последующих периодов, а именно, чтобы временами производить тот процесс, который они сами в настоящее время называют «революция».

Во время их тогдашней «революции», как там впоследствии стало тоже свойственно этим трехмозгным феноменам нашей Великой Вселенной, ими было уничтожено много такого добра, которое они накапливали веками, и уничтожено и навсегда забыто много так называемых «знаний», которых они достигли тоже веками, а также было уничтожено существование многих других, себе подобных, существ, которые уже попали на путь освобождения от скристаллизовавшихся последствий свойств органа Кундабуфера.

Здесь очень интересно, кстати, отметить про один в высшей степени удивительный и непонятный факт.

Дело в том, что и во времена последующих таких же «революций» тамошние трехмозгные существа, которые, кстати сказать, почти все или, по крайней мере, в подавляющем большинстве, стали впадать в такой психоз, отчего-то больше всего уничтожают существование тех других, таких же себе подобных, существ, которые почему-либо более или менее попадают на путь возможности освободиться от скристаллизовавшихся в них последствий свойств этого злостного органа Кундабуфера, имевшегося к их несчастью у их предков.

Итак, мой мальчик! Пока протекал процесс этой их «революции», сам царь Апполис существовал в одном из своих так называемых «загородных дворцов» города Самлиоса.

Его никто не трогал, так как наши своей пропагандой подготовили дело так, что вся вина была приписана не царю Апполису, а его окружающим, то есть так называемым правителям.

Мало того, существа, впавшие в сказанный «психоз», стали даже «испытывать печаль» и очень жалеть своего царя, говоря, что их «бедный царь» до сих пор был окружен бессовестными и неблагодарными подчиненными и что поэтому и произошла эта нежелательная «революция».

После того как революционный психоз совсем утих, царь Апполис вернулся в город Сам-лиос и начал постепенно, опять с помощью наших пожилых, заменять наших земляков старыми своими уцелевшими служителями или набирать совершенно новых из среды прочих своих подданных.

И когда у царя Апполиса восстановились прежние отношения с его подданными, они опять стали наполнять казну «деньгами» и выполнять указания своего царя, и дела общественности снова пошли обычным уже установившимся темпом.

А что касается нашего наивного «горемычного» земляка, который был причиной всего этого, ему все это было так обидно, что он не захотел больше оставаться на этой, для него особенно злосчастной, планете и вместе с нами вернулся обратно на планету Марс.

Он стал впоследствии очень даже хорошим старостой для всех существ нашего племени.

Глава 16

Относительность понятия о времени

После недолгой паузы, Вельзевул продолжал так:

– Прежде чем рассказывать тебе дальше про понравившихся тебе трехмозгных существ, водящихся на планете Земля, по-моему, для ясного представления о странности их психики и вообще для лучшего понимания всего, касающегося этой оригинальной планеты, раньше всего непременно следует тебе иметь точное представление о их времяисчислении и о том, каким образом существенское ощущение так называемого «процесса-течения-времени» в наличии трехмозгных существ этой планеты, постепенно, изменялось и как такое ощущение протекает в наличии уже современных тамошних трехмозгных существ.

Это необходимо выяснить тебе потому, что только тогда ты будешь иметь возможность ясно представить себе и понять те тамошние события, о которых я тебе уже рассказывал и о которых еще буду рассказывать.

Прежде всего знай, что для определения времени трехмозгные существа и этой планеты так же, как и мы, основной единицей своего времяисчисления считают «год», и продолжительность такого своего «года» так же, как и мы, определяют временем известного движения их планеты в отношении к другому определенному космическому сосредоточию. А именно, они берут тот период, в течение которого их планета, во время своего движения, то есть во время процессов «падения» и «догоняния», делает в отношении своего солнца так называемый «крентональный обход».

Это вроде того, как мы, для нашей планеты Каратаз, «годом» считаем период времени от одного самого большого приближения солнца «Самоса» к солнцу «Селосу» до другого такого же его приближения.

Сто таких своих «годов» существа планеты Земля называют «век».

«Год» свой они делят на двенадцать частей и каждую такую часть называют «месяц».

А для определения длительности этого своего месяца, они берут время того завершительного периода, в который отделившийся от их планеты большой кусок, ныне называемый ими «Луна», благодаря тем же космическим законам «падения» и «догоняния», делает свой полный «крентональный обход» в отношении их планеты.

Требуется заметить, что двенадцать «крентональных обходов» упомянутой «Луны» не соответствуют в точности одному «крентональному обходу» их планеты в отношении ее же солнца; и потому они придумали кое-какие компромиссы при исчислении этих своих месяцев, чтобы в общем итоге это более или менее отвечало действительности.

Далее, такой свой «месяц» они делят на тридцать «суток» или, как они в обиходе говорят, – «дней».

«Сутками» они считают тот период времени, когда их планета, во время осуществления упомянутых космических законов, делает свой «совершительный-самооборот». Прими, кстати, во внимание, что «днем» они еще называют, когда в атмосфере их планеты, как и вообще всех прочих планет, на которых осуществляется тот космический процесс, который, как я уже говорил, называется «Ильносопарный», периодически происходит Трогоавтоэгократический процесс, который мы называем «кштацавахт»; такое явление они именуют еще словом «светлю».

А что касается другого процесса, противоположного этому, а именно того, который мы называем «клдацахти», то они именуют его «ночь» или говорят о нем «темно».

Итак, значит, – трехмозгные существа, водящиеся на планете Земля, самый большой период течения времени называют «век» и такой их «век» состоит из ста «годов».

«Год» имеет двенадцать «месяцев».

«Месяц», в среднем, – тридцать «дней» или суток.

Дальше, «сутки» у них делятся на двадцать четыре «часа», «час» – на шестьдесят «минут».

«Минуту» они, в свою очередь, еще делят на шестьдесят «секунд».

А так как ты, мой мальчик, вообще еще не знаешь относительно исключительных особенностей этого самого космического явления, то есть времени, то потому, первым долгом, надо тебе сказать, что настоящая объективная наука это космическое явление формулируют так:

«Времени, как такового, вообще не существует, а есть только совокупность результатов, вытекающих из всяких имеющихся в наличии в данном месте космических явлений».

Время, само по себе, никакие существа не могут ни понять разумом, ни почувствовать какую-либо внешней или внутренней существенской функцией. Его нельзя ощущать даже никакими градациями инстинкта, который возникает и имеется во всяких более или менее самостоятельных космических сосредоточениях.

О времени можно судить только, если сравнивать между собою какие-нибудь реальные космические явления, которые происходят в том самом месте и в тех же самых условиях, где констатируется и рассматривается время.

Следует заметить, что в Великой Вселенной все вообще, без исключения, явления, где бы они ни возникали и ни проявлялись, являются просто последовательно-закономерными «раздробленностями» какого-нибудь цельного явления, получившего свое первоначальное возникновение на Пресвятейшем Солнце-Абсолют.

И благодаря этому все космические явления, где бы они ни происходили, получают смысл «объективности».

А такие последовательно-закономерные «раздробленности» во всех отношениях, и даже в смысле их инволюций и эволюций, осуществляются на основании главного космического закона «Священного-Эптапарашинох».

Только Время одно не имеет смысла объективности, потому что оно не является последствием раздробленности какого-нибудь определенного космического явления. И вследствие того, что оно ни от чего не исходит и со всеми явлениями всегда сливается и становится самодовлеюще-самостоятельным, то потому его только одно во всей Вселенной можно назвать и величать «Идеально-Уник-Субъективное-Явление».

Таким образом, мой мальчик, единственно только у времени, которое иногда называют «Геропас», нет источника, от которого зависело бы его происхождение, и только оно, на подобие «Божественной-Любви», как я уже сказал, самостоятельно, само по себе, всегда вытекает и пропорционально сливается со всеми явлениями, имеющимися в данном месте и в данных возникновениях в нашей Великой Вселенной.

Опять-таки, я скажу тебе, что и это все, о чем я в данный момент говорил, ты можешь ясно понять только после того, когда я, как я уже обещал, специально объясню тебе, как-нибудь позже, относительно всех основных законов Миросоздания и Миросуществования.

А пока запомни только еще о том, что вследствие того, что время не имеет источника своего возникновения и что для него невозможно, как для всех других космических явлений во всех космических сферах, установить точное его наличие, то потому мною уже упомянутая объективная наука для рассматривания его имеет «исходной единицей» такую же, какую она имеет для точного определения плотности и качества, в смысле животворности их вибраций, всех вообще космических веществ, имеющихся во всяком месте и во всех сферах нашей Великой Вселенной.

И такой исходной единицей для определения времени еще издавна установлено считать момент так называемого священного «Эгокультацнарного-ощущения», которое всегда появляется в святейших космических Индивидуумах, обитающих на Пресвятейшем Солнце-Абсо-

лют, когда взор нашего **единобытного бесконечного** бывает устремлен в пространство и непосредственно касается их наличия.

Такая исходная единица установлена в объективной науке для того, чтобы иметь возможность точно определить и сравнить между собою разность градаций процессов, как субъективного ощущения отдельных сознательных Индивидуумов, так и так называемой «разно-темпности» между разными объективными космическими явлениями, которые выявляются в разных сферах нашей Великой Вселенной и которые осуществляют все, как большие, так и малые, космические возникновения.

Главная особенность процесса течения времени, для наличия разномасштабных космических возникновений, заключается в том, что все они его воспринимают одинаково и в одинаковой последовательности.

Для того, чтобы относительно только что мною высказанного ты имел пока хотя бы приблизительное представление, давай возьмем, например, процесс течения времени, происходящий в какой-нибудь одной капле воды, находящейся вон в том графине, который стоит там, на столе.

Каждая капля воды, находящаяся и в этом графине, представляет из себя тоже целый самостоятельный мир, именно мир «Микрокосмосов».

В этом маленьком мире тоже возникают и существуют, как и в других космосах, «относительно самостоятельные», бесконечно малые «индивидуумы» или «существа».

Для существ и этого бесконечно малого мира время течет с такой же последовательностью, в какой последовательности течение времени ощущается всеми индивидуумами во всех других космосах.

Эти мельчайшие существа для всех своих восприятий и проявлений, подобно существам космосов иных «масштабностей», имеют свои переживания определенной длительности и так же, как и те, ощущают течение времени, согласно сопоставлению длительности окружающих их явлений.

Они точно так же, как существа прочих космосов, рождаются, вырастают, соединяются и разъединяются для так называемого «полового-результата», они так же болеют и страдают и, в конце концов, подобно всему существующему, в котором не зафиксировывается объективная разумность, уничтожаются, как таковые, навсегда.

Для всего этого процесса существования и для этих бесконечно малых существ такого самого малого мира тоже требуется время определенной пропорциональной длительности, какая длительность, как и в других мирах, вытекает также из всех окружающих явлений, выявляющихся в данной «космической масштабности».

Для них тоже требуется время определенной длины, как для процесса их возникновения и оформливания, так и для разных событий в процессе их существования, вплоть до совершенного заключительного их уничтожения.

В течение всего процесса существования существ и этой капли воды тоже требуются соответствующие последовательные, определенные так называемые «перевалы» течения времени.

Требуется определенное время и для их радости, и для их страдания, и, словом, для всякого другого рода существенных необходимых переживаний, вплоть до так называемых «полос невезения» и даже «периодов-жажды-усовершенствования».

Повторяю, и у них процесс течения времени тоже имеет свою гармоническую последовательность и эта последовательность вытекает из совокупности всех окружающих их явлений.

Всеми упомянутыми космическими Индивидуумами и уже окончательно оформленными, так называемыми «инстинктированными» единицами длительность процесса течения времени вообще воспринимается и ощущается одинаково, с той только разницей, какая, в

конечном итоге, вытекает от разности их наличия и состояния в данный момент этих сказанных космических возникновений.

Однако, мой мальчик, следует заметить, что хотя для отдельных индивидуумов, существующих в каких-либо самостоятельных космических единицах, их определение течения времени в общем смысле и не является объективными, но тем не менее оно для них самих приобретает смысл объективности вследствие того, что оно ими воспринимается согласно законченности их собственного наличия.

Для более ясного понимания этой моей мысли может послужить эта же, взятая нами для примера, капля воды.

Хотя в смысле общевселенской объективности весь период процесса течения времени, протекающего в самой этой капле воды, для нее всей и является субъективным, но для существ, существующих в ней, то есть в самой капле воды, упомянутое данное течение времени воспринимается уже и является объективным.

Для выяснения же этого последнего могут послужить существующие среди понравившихся тебе трехмозгных существ планеты Земля существа, так называемые «ипохондрики».

Этим земным «ипохондрикам» очень часто кажется, что время идет бесконечно медленно и долго, как они выражаются, – идет «феноменально-скучно».

И вот, точно так же и некоторым из этих бесконечно малых существ, существующих в этой капле воды, конечно, если представить себе, что и среди них бывают такие же «ипохондрики», может иногда казаться, что время идет очень медленно и «феноменально-скучно».

Между тем, на самом деле, с точки зрения ощущения длительности времени твоими любимцами с планеты Земля, вся-то длина существования существ-«микрокосмосов» продолжается только лишь несколько их «минут», а иногда даже только несколько «секунд».

Теперь, чтобы ты еще лучше понял о времени и об его особенности, нам не мешает сравнить твой возраст с соответствующим возрастом существа, имеющегося на этой планете Земля.

Вот и для такого нашего сравнения, нам следует взять ту же исходную единицу времени, которую, как я тебе уже сказал, для таких исчислений применяет объективная наука.

Прежде всего, ты имей в виду, что той же объективной наукой, согласно тем данным, о которых ты узнаешь тоже после того, когда я буду специально объяснять тебе относительно основных законов Мироздания и Миросуществования, установлено, что всеми вообще нормальными трехмозгными существами, в том числе, конечно, и существами, возникающими на нашей планете Каратаз, священное «Эгокульнацарное-действие» ощущается для определения времени в сорок девять раз медленнее, чем это же самое священное действие ощущается священными Индивидуумами, пребывающими на Пресвятейшем Солнце-Абсолют.

Следовательно, процесс течения времени для трехмозгных существ нашего Каратаза протекает в сорок девять раз ускореннее, чем на Солнце-Абсолют, и так оно должно было бы протекать и для существ, водящихся на планете Земля.

Между тем вычислено, что за период времени, в течение которого солнце «Самос» осуществляет свое наибольшее приближение к солнцу «Селосу», каковой период течения времени для планеты Каратаз считается «годом», планета Земля, в отношении к своему солнцу Орс, осуществляет триста восемьдесят девять своих «крентональных обходов».

Исходя из этого, наш год, по условно-объективному времяисчислению, в триста восемьдесят девять раз, значит, длиннее того периода времени, который твои любимцы считают и называют своим годом.

Тебе, наверно, будет не безынтересно знать, что про все эти вычисления мне отчасти объяснил великий Архиинженер Вселенной, Его Соразмерность Архангел Алгематант – да усовершенствуется Он до священного Анклада!

Он это объяснил мне именно тогда, когда он, по случаю первого большого несчастья с этой планетой Земля, прибыл, в числе священных членов третьей Превеликой Комиссии, на

планету Марс. А отчасти это мне объяснил капитан межпространственного судна *Вездесущий*, когда Я возвращался на родину и во время этого путешествия имел с ним несколько приятельских разговоров.

Теперь следует заметить еще и о том, что ты, как трехмозгное существо, возникшее на планете Каратаз, в настоящее время являешься только еще двенадцатилетним мальчиком и в смысле бытия и разумности представляешь из себя точно такого же еще не оформившегося и не осознавшего себя двенадцатилетнего мальчика, каковой существенный возраст переживают также и все трехмозговые существа, возникающие на планете Земля, в процессе их возрастания для бытия ответственного существа.

Все «черты» твоей общей психики, так называемые: «характер», «темперамент», «наклонности», словом, все наружу проявляющиеся особенности твоей психики у тебя точно такие же, какие имеются в незрелом и не установившемся тамошнем трехмозгом существе в возрасте двенадцатилетнего мальчика.

И вот, на основании всего вышесказанного, и получается, что хотя, по нашему времениисчислению, ты представляешь из себя еще только такого же неформировавшегося и еще не осознавшего себя двенадцатилетнего мальчика, какие бывают и там, на планете Земля, но, по их субъективным понятиям и по их существенным ощущениям течения времени, ты, по их времениисчислению, значит, уже существуешь не двенадцать, а целых четыре тысячи шестьсот шестьдесят восемь годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.